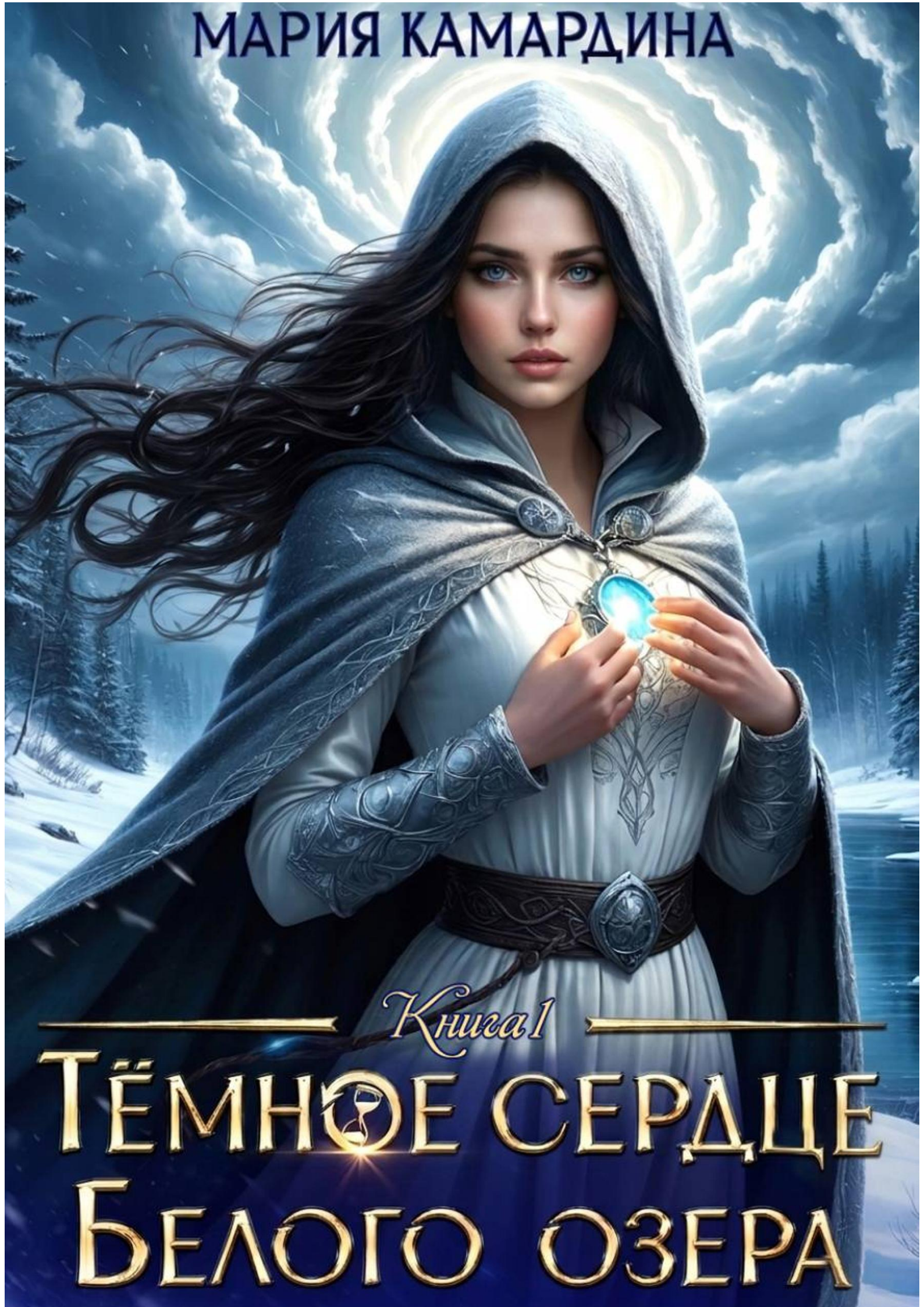

МАРИЯ КАМАРДИНА

Книга 1

ТЁМНОЕ СЕРДЦЕ БЕЛОГО ОЗЕРА

Мария Камардина

**Тёмное сердце
Белого озера. Книга 1**

«Автор»

2026

Камардина М.

Тёмное сердце Белого озера. Книга 1 / М. Камардина — «Автор»,
2026

Гэлхан хотел изучать историю магии по древним книгам, но вынужден спасти единственного наследника императора от убийц. Вирея хотела сама распоряжаться своей жизнью и иметь любящую семью, но проклятая кровь не даёт шанса на замужество, а кое-кто считает, что ведьминой дочери место в монастыре. Ивор хотел быть рядом с братом, но интересы империи требуют, чтобы юный принц обзавёлся невестой. Женский пансион «Гнездо лебедя» готовится к зимнему балу, за его стенами бушует метель, а внутри пробуждается тьма. Сколько раз придётся умереть, чтобы подобрать ключ к её сердцу? И станет ли любовь спасением – или последней жертвой?

© Камардина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Принц и горноста́й	5
Глава 2. Жемчуг и пасти́ла	12
Глава 3. Прокля́тия и тради́ции	18
Глава 4. Женихи и кни́ги	26
Глава 5. Предложе́ние и пла́тье	33
Глава 6. Разум и чувства	42
Глава 7. Танцы и кро́вь	48
Г	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Камардина

Тёмное сердце Белого озера. Книга 1

Глава 1. Принц и горноста́й

Дан Ансельм взвыл и схватился за лицо.

– Паскуда, Змей тебя сожри! Поймайте эту тварь, я ей...

Гэлхан постарался удержать благожелательное выражение. У него болела голова, и ловить императорского горноста́я в салоне летящего сферокара он не собирался. Больше всего сейчас хотелось прижаться лбом к холодному стеклу и закрыть глаза, и хорошо, что хотя бы солнцезащитная плёнка на окнах смягчала убийственную яркость выпавшего накануне снега.

Он откинул крышку панели в подлокотнике своего кресла, ловко увернулся от попытавшейся запрыгнуть на его плечо зверушки и набрал комбинацию, велящую водителю остановить машину.

– Ваше высочество, успокойте животное.

Краем глаза он увидел, как Ивор Владиар Янадарро, младший брат и единственный наследник правителя Алмарской Империи, поджал губы. В восемнадцать лет сдерживать эмоции сложнее, чем в тридцать девять, да и не слишком-то он старался: в глазах юноши горело злорадство. Однако спорить он не стал, молча сдвинул рукав, и белый горноста́й, подаренный ему за три дня до отъезда из столицы, припал к спинке кресла и замер, тараща глазбусинки. Зверушке было всего три месяца, и никаким командам её пока не обучили, ей хотелось носиться по салону белой молнией, драть коготками кожаную обивку цвета молочного шоколада, срывать бархатные синие занавески с окон и охотиться на нерасторопных людей, а резкие звуки и запахи её пугали и злили. К счастью, к ошейнику она привыкла и теперь, попав в стрессовую ситуацию, норовила оказаться поближе к управляющему браслету.

Дан Ансельм отнял ладонь от лица, размазав по щекам кровь из неглубоких, но многочисленных царапин, и зло зыркнул на горноста́я. Зверь пискнул, скатился со спинки кресла на колени хозяину, Ивор тут же накрыл питомца ладонью и посадил на левое запястье. Тонкие сферотехнические плетения работали как поводок и давали ощущение покоя и безопасности, если ошейник и браслет находились рядом, а потому зверушка тут же вцепилась в рукав всеми лапами и притихла.

– Простите, дан Ансельм, – невинным тоном произнёс принц, поглаживая белую шёрстку. – Она ещё маленькая, а у вас очень резкие духи. И выражения. Дан Гэлхан, напомните, пожалуйста – императорские горноста́и ведь приравниваются к членам правящей семьи в отдельных случаях? Я припоминаю, что в Уголовном уложении имеется такой пункт, в статье об оскорблении династии.

Второй духовник его высочества побагровел, став одного цвета с подкладкой мантии младшего магистра Ордена Карающего пламени. Гэлхану стало немного его жаль. Совсем чуть-чуть, потому что духи действительно были тяжёлыми и пряными, от запаха ныли виски, а открывать окна сферокара, рискуя потерять юркую зверушку на лету, он не решился.

– Сейчас машина остановится и вам окажут медицинскую помощь, – проговорил он. – Постарайтесь пока не трогать царапины руками. Я думаю, вам лучше пересесть в другой сферокар... Да, прошу прощения, ваше высочество, вы правы. Оскорбление императорского горноста́я действительно приравнивается к оскорблению его хозяина. Однако я прошу вас проявить снисходительность, дан Ансельм наверняка не хотел вас обидеть или разозлить зверя, кроме того, он на самом деле пострадал.

– Я приношу свои глубочайшие извинения, ваше высочество, – добавил дан Ансельм, старательно изображая улыбку. – Вы правы, дан Гэлхан, я пересяду. Лететь осталось не более получаса, и вряд ли за это время сюда доберётся какая-нибудь опасная ересь. Хорошо, что на мантии не заметна кровь, а? Вот вам бы пришлось переодеваться.

Гэлхан с улыбкой кивнул, делая вид, что не заметил намёка. Мантию жреца Ордена Серебряного древа второй ступени посвящения он надевал лишь для проведения обрядов, а в остальное время предпочитал классические костюмы, к которым привык за десять лет преподавания в столичном университете. Разве что цвета выбирал всё же орденские, серый и белый, да носил на правом запястье малахитовые чётки с подвеской в виде крохотного деревца, заключенного в круг.

Что касается Карающего пламени... Что ж, цвета самого молодого ордена империи и были выбраны в том числе за немаркость. Именно люди в чёрно-красных одеждах уничтожали злонамеренных магов сразу после Катастрофы, именно они двести лет боролись с порождениями Великого Змея, которые время от времени прорывались с Другой стороны мира, и оттого лишь им одним официально было позволено сохранить последние крохи магии, чтобы заставить её работать на благо человечества. Благоразумным людям не стоило даже задумываться над тем, что за секреты таятся в подвалах «карателей» – чрезмерный интерес к магии сам по себе считался ересью.

Охраной императора и наместников тоже занималось Карающее пламя. А ещё считалось правильным приставить к отпрыскам правящей семьи сразу по два духовных наставника. Жрецы Серебряного древа полагались всем без исключения, и Гэлхана удачно впили на место ушедшего на покой дана Оллора. А вот если бы Ивор родился девочкой, вместо Ансельма его сопровождала бы жрица Ордена Исцеляющей длани в бело-синем платье.

К слову, принц выбрал сегодня именно синий костюм, хотя императорскими цветами считались алый и серебряный. Гэлхан решил не думать, было ли это данью вежливости по отношению к Исцеляющей длани, в резиденцию которой они, собственно, и направлялись, или наследник руководствовался желанием уколоть обоих духовников сразу.

Впрочем, одно другому не мешало, да и оттенок Ивору, синеглазому и русоволосому, был к лицу.

Сферокар мягко приземлился, в окнах замельтешила поднятая силовыми полями снежная крупка. Дан Ансельм ещё раз извинился и покинул салон. Кортёж состоял из двенадцати машин, и в одной из них точно был врач, так что за второго духовника принца можно было не беспокоиться. Но Гэлхан всё равно проследил через открытую дверь за тем, как Ансельм, подобрав полы шубы, наброшенной поверх мантии, бредёт к сферокару охраны.

Солнце скрылось в лёгких облаках, снег перестал слепить глаза, а свежий морозный воздух слегка прояснил мысли. Гэлхан тут же об этом пожалел – как славно было прятаться за головной болью, слушать краем уха препирания Ансельма и Ивора и делать вид, что его ничего не касается! Теперь же наследник примется за него и, если будет такова высочайшая воля, выест мозг маленькой ложечкой.

Гэлхану покидать сферокар было запрещено.

Жаль, что принц об этом не знал.

– Боюсь, дан Ансельм так и не сумел толком объяснить, зачем мне нужно ехать туда, куда мы едем. Возможно, у вас найдутся аргументы, дан Гэлхан?

Аргументов у Гэлхана хватало. Увы, все они были строго засекречены, и потому он использовал самый простой, но и самый важный:

– Вы желаете пойти против приказа его величества?

Попытка спрятаться за императора принца не впечатлила.

– И как он сформулировал приказ?

Воспоминания о последнем разговоре с императором нельзя было назвать приятными. Его величество Владиар Артенис Янадарро, он же Владиар Второй, чувств не скрывал принципиально, и это стало косвенной причиной ситуации, в которой Ивора срочно потребовалось убрать из столицы, «и чтоб в ближайшие две недели духу его здесь не было!»

Официально принц со свитой ехал с визитом вежливости к Матери-Настоятельнице Ордена Исцеляющей длани. Резиденция ордена располагалась на двенадцати островах Белого озера, самого крупного водоёма империи, и основные здания были построены более пятисот лет назад – задолго до Катастрофы, а значит, с помощью магии. Витые бело-голубые башни, стены, словно бы выточенные из синего стекла, более полусотни мостов всех размеров и форм – всё в этом месте хранило отпечаток тайн ушедшей эпохи.

В другой ситуации Гэлхан, как историк, благодарил бы судьбу за возможность посетить монастырь, носящий имя святой Ксании Алемской – сколько событий произошло в его стенах! А знаменитая Золотая библиотека, в которой хранились не только копии древних томов, но и страницы оригиналов под толстым стеклом – прикоснуться к ним, конечно, было нельзя, но хотя бы увидеть! Посмотреть на кладбище, первые плиты на котором появились даже раньше, чем был отстроен монастырь, проплыть на лодке между островами, разыскивая следы прикосновения магии, побродить по яблоневым садам, наполненным шорохом и звоном – паломники вешали на ветви ленты с молитвами и колокольчиками, считалось, что они исполняют желания. А церемония Утренней благодарности – люди со всех концов страны вставали в очередь за два года, чтобы получить возможность присутствовать на ритуале, которому приписывали способность исцелять тело и душу без всякой магии! Для принца и его свиты обещали сделать исключение, и на церемонию они смогут попасть уже завтра утром.

Но всю радость от ближайшего будущего портили несколько факторов.

Во-первых, собственно принц и его свита. А ещё женский пансион «Гнездо лебедя», который курировала лично Мать-Настоятельница и который располагался на одном из островов. В пансионе получали образование представительницы знатнейших родов империи в возрасте от двенадцати до двадцати лет, а в путешествие с его высочеством помимо охраны, слуг и наставников отправились полтора десятка молодых балбесов... ах, простите, тоже представителей знатнейших родов империи. Пансион в начале зимы устраивал бал, ни на что иное, помимо танцев, балованные столичные мальчики рассчитывать не могли, да и не развлекаться они ехали, а серьёзно знакомиться с потенциальными невестами. Однако Гэлхан по своим студентам прекрасно помнил, чем могут закончиться буйные молодёжные вечеринки. Хорошо ещё, что помимо него самого в свиту входило некоторое количество разумных, взрослых людей, да и принимающая сторона должна была выделить ресурсы на соблюдение приличий и предупреждение двусмысленных ситуаций.

Увы, все разумные взрослые люди, включая Ансельма, неизбежно попадали в категорию «во-вторых». И это было куда страшнее разгулявшейся молодёжи.

Гэлхан вздохнул, на миг прикрыл глаза, соображая, какие ещё аргументы нужно привести, чтоб императорский наследник проникся идеей поездки и не сорвал церемониал, но тот нехстати проявил сообразительность.

– Всё из-за неё, да? Из-за этой...

– Вы только что вспоминали статью об оскорблении правящей семьи, – перебил Гэлхан. – В отношении её величества такое поведение карается штрафом и тюремным заключением на срок от трёх до двадцати четырёх месяцев. Не для наследного принца, однако слушать подобное и не отреагировать – тоже преступление.

– Ну так донесите на меня, – ядовито предложил юноша. – Вас ведь для этого приставили? Ай, да угомонись ты уже!

Белый горноста́й на повышение голоса отреагировал нервно – и вонзил когти глубже. Ивор зашипел и принялся осторожно, лапка за лапкой, отрывать питомца от рукава, а когда у него получилось, зверушка одним движением взлетела на спинку кресла и там замерла.

Гэлхан осторожно снял со своего плеча чёрный кончик пушистого хвоста и укоризненно произнёс:

– Вы пугаете зверя. Разве он виноват в ваших проблемах?

– Это самка, – раздражённо поправил наследник. Вздохнул и тоном ниже проговорил: – Она не виновата, а вот вы уходите от темы. Братец считает, что я должен жениться, а я вообще не понимаю – зачем нужна жена? Нет, вопрос «зачем» в целом глупый, но почему именно сейчас? Я в последний момент узнал, что еду, а в резиденции наверняка узнали ещё позже, и разве это вежливо – устраивать переполох накануне праздника?

– Император объявил вас официальным наследником не так давно, – напомнил Гэлхан, кажется, в десятый раз. – Единственным, заметьте, наследником. Вам стоит поскорее жениться, чтобы...

Ивор коротко рассмеялся, но тут же оборвал себя и постучал указательным пальцем по brasletу. Подскочивший от непривычного звука горноста́й немедленно прыгнул к нему на колени и там свернулся клубком.

– Дан Гэлхан, я помню, что вы любите историю, однако не забывайте и о математике. Девушки, которые, теоретически, могли бы составить моё счастье, младше восемнадцати и для брака слишком юны.

– Никто не требует от вас вступать в брак сегодня же, – возразил Гэлхан. – Однако присмотреться, познакомиться...

– Или выбрать девушку постарше, – подхватил Ивор. – Отличная, между прочим, идея. Мой брат женился на молодой красивой дурочке, и глядите, к чему это привело – он рассорился с единственным близким родственником! Вот когда я стану императором...

«Возможно, раньше, чем вам кажется», – мысленно ответил Гэлхан, смиряясь с тем, что не думать о мрачном у него не выйдет. Принесённая накануне магическая клятва отозвалась холодными мурашками по спине, попытка в очередной раз присмотреться к спутнику с помощью Истинного зрения лишь усилила головную боль. Тревожных признаков он пока не видел, но обольщаться не стоило – его дар был слишком слаб, и ни поддержка наставника, ни благосклонность Патриарха, ни даже доверие императора не могли этого исправить.

Если он ошибётся, то потеряет не только доверие – жизнь.

– ...Так почему бы мне не остаться в столице и не попытаться помириться с братом? Это куда полезнее, чем очередной бал!

«Потому что среди столичной аристократии сформировался заговор, – мог бы ответить Гэлхан. – Потому что Имперская служба безопасности проморгала его на ранней стадии, и теперь придётся не договариваться с зачинщиками, а отлавливать убийц и умирять умело подогретую толпу. Потому что иных наследников, кроме тебя, юного балбеса, у династии нет, и не предвидится, и тебя решили держать как можно дальше от опасности. Потому что император очень любит свою жену – а ещё он может умереть совсем скоро».

Ни об одной из этих причин Гэлхан не имел права говорить вслух, как и о том, что в свите у врагов короны могли быть свои люди.

– Мать-Настоятельница сочтёт отказ от визита оскорблением, – напомнил он. – Вы ведь не хотите поссориться и с нею тоже?

Дурашливая улыбка сползла с лица Ивора. Он покосился на окно, за которым стремительно проносился зимний пейзаж, и признался:

– Я ни с кем не хочу ссориться. – Гэлхан собрался было похвалить стремление будущего императора к миру, но тот жёстко добавил: – Это непродуктивно. Куда лучше перессорить

противников между собой. Вот, к примеру, можно стравить вас с даном Ансельмом, и тогда вы оба отвяжетесь от меня со своими проповедями.

Несмотря на головную боль, Гэлхан не сдержал улыбку.

– Эта малышка, – он указал на горностаечку, которая, стоило хозяину отвлечься, перепрыгнула на пустое кресло напротив, – мешает вашим планам. Дан Ансельм теперь будет держаться подальше, а вот мне придётся проповедовать за двоих.

– Он сам виноват, – легкомысленно отмахнулся Ивор, наблюдая за бегущей по салону сферокара зверушкой. Машину для императорского наследника подобрали вместительную, в ней с комфортом могло бы устроиться человек шесть – огромное пространство для маленькой горностаечки. – Чтобы не вонять, нужно мыться, а не поливаться духами. Теперь пусть ходит с расцарапанной рожей.

В целом Гэлхан был согласен с мнением подопечного, хотя выразить оное можно было более пристойными словами. Но сделать очередное замечание он не успел: горностаечка вскочила Ивору на колени, оттуда на рукав, под которым прятался браслет, шустро взбежала на плечо, потянувшись понюхать, чем это у хозяина пахнет изо рта, и едва не провалилась за пазуху. Ивор успел сцапать её поперёк туловища и строго посмотрел в глаза.

– Было бы куда лучше, если б ты вцепилась в сестрицу Лисси. Дурацкие шутки должно наказывать.

Гэлхан вздохнул и притворился, что сдаётся.

– Я помню о вашей с её величеством Лиссандрой крепкой и взаимной неприязни, однако мне казалось, что разумные люди умеют скрывать оную при необходимости.

– Я скрываю, – заверил Ивор. – Но разве я не имею право быть откровенным в разговоре с духовным наставником? Тем более что дан Ансельм сбежал, а мне критически важно высказаться – и лучше при вас, чем в компании юных невинных дев через полчаса. Вы готовы отпустить мне грех сквернословия и гневливости?

– Если вы не станете усугублять их ложью, – предупредил Гэлхан и на всякий случай проверил, включена ли охранная система, которая не позволяла никому вне салона сферокара слышать то, что говорилось внутри.

Впрочем, секрет наследника не тянул на государственную тайну, и обидел его пустяк, неудачное стечение обстоятельств. Дело было в том, что Ивор давно хотел горностаю из императорского питомника, но по традиции горностаями обзаводились дамы, принцу же полагался волкодав. На то, чтобы убедить императора нарушить традицию, ушло много разговоров и обещаний – в частности, принцу целых три месяца пришлось ужинать в компании брата и его жены и всячески стараться вести себя с нею дружелюбно. За это время работающий при питомнике сферотехник настроил браслет, вплёл в него параметры ауры будущего хозяина, а детёныш, отобранный лично управляющим, привык к ошейнику. Три дня назад Ивору вручили заслуженную награду, но радость была подпорчена двумя обстоятельствами.

Во-первых, принц хотел горностаю-самца.

Во-вторых, имя в родословную зверя вписали без его ведома – управляющий решил подольститься к правящей семье и назвал горностаечку в честь императрицы.

В-третьих, Ивор не верил в случайные совпадения и немало разозлился на «сестрицу Лисси» – шуточка была в её духе, вроде и невинная ерунда, но...

– ...И теперь мне нужно придумывать ей новую кличку, – пожаловался принц. – А ещё с нею надо заниматься, учить командам – а вы тащите меня на бал. И ладно, я даже согласен, что жениться рано или поздно придётся. Но почему не найти жену в столице, зачем монастырь? И как выбрать нормальную?

Страницы сборника «Всеблагие притчи для вразумления юношества» встали перед глазами. Гэлхан попытался припомнить что-то в тему разговора, но за окном сферокара уже вид-

нелась гладь Белого озера, и первой в голову пришла отнюдь не сказочка о счастливом браке – хотя Ивора, пожалуй, такая и не заинтересовала бы.

– О, этим вопросом задавались многие и до вас. Выбор супруги – дело ответственное и тонкое, и с вашей стороны разумно спросить духовного наставника, а не столь же юных и неопытных товарищей. Позвольте рассказать одну историю, которая, возможно, натолкнёт вашу мысль на правильное решение. Итак, некий полководец, молодой и блестящий, однажды взял город, захваченный мятежниками. Он лично казнил главного заговорщика и его семью – всю, кроме старшей дочери, девы необычайной красоты. И так горько рыдала она, умоляя о пощаде, что дрогнуло сердце воителя и вспыхнуло сочувствием и нежностью...

– Вы уверены, что ваш герой вспыхнул именно этим? – ухмыльнулся принц. – Есть у меня подозрение, что ваши летописцы несколько, хм, приукрасили реальность.

Гэлхан с притворной строгостью погрозил пальцем.

– Не перебивайте. Это был человек высоких принципов и множества достоинств, и деву он был готов взять в жёны, со всеми приличествующими церемониями.

– Молодец, – хмыкнул Ивор. – Жениться на дочери предателя, которого наверняка у неё на глазах и прикончил, чтоб она потом зарезала его во сне. Или она тоже вспыхнула? Чем там... Восхищением, благодарностью?

– История умалчивает об истинных чувствах несчастной девы, – покачал головой Гэлхан. – Однако известно, что мудрый правитель, которому служил наш герой, рассуждал примерно так же, как и вы. Узнав о браке, он разгневался, и несчастную отправили в дальний монастырь, отмаливать грехи отца. Но молодой супруг отказался принимать волю монарха и отправился следом за возлюбленной. Несколько месяцев к ним стягивались остатки сил мятежников, и армии правителя стоило больших трудов взять монастырь штурмом. Бывшего полководца казнили как предводителя мятежа, а его жену обвинили в колдовстве и тоже казнили.

Ивор мрачно усмехнулся.

– По оценкам специалистов, при штурме резиденции Ордена Исцеляющей длани во втором году нового летоисчисления погибло от пяти до семи тысяч человек, – процитировал он. – Я не так плохо знаю историю, как вам кажется.

Гэлхан согласно наклонил голову.

– Тогда вы должны понимать, что если бы Арион Лурри тщательнее подошёл к вопросу выбора супруги, он избежал бы смерти и спас множество людей.

– Его отправили бы штурмовать монастырь, – не согласился Ивор. – Есть версия, что войска собирал не он, а сама Чёрная Княжна. И что в колдовстве её обвинили вполне обоснованно, а мужа она попросту приворожила.

– И это возвращает нас к вашему вопросу, – подхватил Гэлхан. – В «Гнезде лебедя» учатся девушки благородных кровей, утончённые, разумные, скромные...

– ...И отец каждой может оказаться скрытым предателем.

Ивор смотрел прямо и без улыбки. На миг Гэлхану захотелось плюнуть на клятву и рассказать всё – формулировка позволяла раскрыть наследнику неприятные подробности в случае угрозы его жизни, а угроза была, иначе император не выгнал бы брата из столицы настолько поспешно. Но в следующий миг принц неприятно ухмыльнулся и отвернулся к окну.

– Кстати, Лиссандра тоже училась в этом пансионе. От предателей нас хранит Имперская служба безопасности, но даже Мать-Настоятельница не может гарантировать, что в заведении, удостоенном её внимания и заботы, не найдётся ещё одна дура. Или не одна.

Гэлхан всё-таки вздохнул и потёр ноющие виски.

– Вам ведь не обязательно выбирать дуру.

– Как же, – хмыкнул Ивор. – Я молодой олух с ветром в голове, я просто не могу не ошибиться, и потому Влад не подпускает меня к важным делам. Видимо, считает, что стоит ему скоропостижно скончаться – и все знания об управлении страной вместе с практическим

опытом перейдут ко мне сами, неким волшебным образом. Хотя... Упаси Всевышний от его опыта.

Гэлхан машинально сотворил знак трилистника, символ Триединой церкви. Вообще-то, слушать, как императора обвиняют в недостатке государственного мышления, ему не полагалось. Однако старший брат при последнем разговоре тоже изволил высказаться о младшем довольно резко, и Гэлхан не был готов решать, кто из них больше прав.

– В вопросах брака вы всегда можете спросить моего совета, – напомнил он и тут же пожалел о своих словах, когда принц развернулся к нему с горящими глазами.

– Вы правы! Дан Гэлхан, мне очень нужен ваш совет, а ещё лучше – пример! Вы ведь ещё не женаты? Это упущение, жрецам вашего ордена непременно нужно обзаводиться семьёй. И чем скорее, тем лучше – вы ведь духовник императорского наследника, могут пойти слухи, что вы не разделяете традиционных ценностей и учите меня плохому!

Мысли и выражения, возникшие в голове Гэлхана в отношении члена императорской семьи, тянули не менее чем на год тюрьмы.

– В моём возрасте уже неприлично проявлять интерес к столь юным девушкам, как воспитанницы пансиона, – ровно проговорил он. – Однако вы, несомненно, правы, и я займусь решением этого вопроса, когда мы вернёмся в столицу.

«Если вернёмся».

– Да, – огорчённо вздохнул несносный мальчишка, – выглядите вы так себе. Но даже старики имеют право на семейное счастье! Насколько вы старше Влада, лет на пятнадцать? На двадцать?

Гэлхан пожал плечами, но признался:

– На семь. – Он коротко глянул в окно – едва заметное отражение не позволяло рассмотреть цвет волос, только то, что они снова растрепались. – Это наследственное, мой отец полнотью поседел в тридцать пять. Умер он, увы, тоже рано.

Отражение Ивора в стекле качнулось вперёд, словно желая поймать его взгляд, потом откинулось на спинку кресла. Гэлхан сказал себе, что воспользуется Истинным зрением не раньше, чем через час, и всё-таки потянулся к шкафчику, в котором хранилась аптечка с обезболивающим и бутылки с водой. Лишь сейчас он задумался о том, что наследственной, возможно, была не только седина, но и дар.

Гэлхан Сорро умел видеть смерть.

Глава 2. Жемчуг и пастила

Вирея попыталась убрать под косынку выбившуюся прядь, но та почти сразу упала обратно. Снять косынку нечего было и думать – утром она едва успела заплести простую косу, а за несколько часов в жаркой кухне вымокла насквозь, и страшно представить, на что стали похожи волосы. Лучше уж пробежать по тёмной лестнице в одежде прислуги, чем пытаться влезть в приличное платье прямо здесь.

Строго говоря, в служебные обязанности старшего секретаря помощь на кухне не входила. Но привычный распорядок рассыпался в прах в преддверии визита наследного принца, чтоб ему жилось долго, счастливо и так же интересно, как всему пансиону уже три дня. Дана Ниври, директриса и прямая начальница Виреи, попеременно причитала, ругалась и пила успокоительные капли: сделанная перед балом уборка, по её мнению, была недостаточно генеральна, воспитанницы – чересчур легкомысленны, речь к открытию праздника – нескладна, а лучшая монастырская пастила, которую принесли из кладовых для банкета, оказалась пересушенной и горчила.

Речь Вирея переписала трижды позавчера, и вчера ещё раз. К уборке её, слава Всевышнему, не привлекали – других желающих подносить дане Ниври капли и выслушивать всё, что она по этому поводу пожелает сказать, не нашлось. А ещё приходилось то и дело отвечать на звонки и сообщения, потому что вместе с вестью о визите его высочества пришло предписание от Имперской службы безопасности касательно количества и качества гостей: части семей пришлось отказать в визите вообще, от других было позволено приехать только по одному человеку.

Вежливые сообщения от имени пансиона Вирея отправила в тот же день. Однако первый зимний бал в «Гнезде лебедя» традиционно был первым также для всех воспитанниц, которым на начало зимы исполнилось шестнадцать, и, уж конечно, гордые папеньки и маменьки желали посетить это важнейшее для чада мероприятие. Коммуникатор в приёмной директрисы буквально разрывался от возмущения, но к вечеру второго дня перегрелся и умер – к счастью Виреи, которая была близка к тому же.

Так что сегодня утром она и сама была рада сбежать на кухню, чтобы помочь поварихам со злосчастной пастилой: чистить и резать яблоки, взбивать в крепчайшую пену яичные белки, отправлять в печь противни с нежной воздушной массой. Хранительница монастырских складов ни за что бы не приняла претензий, да и продукт – Вирея попробовала лично, – был отменного качества. Но за годы сперва учёбы, а потом и работы в пансионе она уже уяснила, что в некоторых случаях проще сделать так, как требует дана Ниври, целее будут нервы.

К тому же ей нравилось помогать в кухне. Поварихи за работой пели старинные романсы, огромная печь дышала теплом – во всей резиденции Ордена Исцеляющей длани готовили только на живом огне, никаких новомодных плит на сферах. А ещё на кухне её любили, уважали, жалели и иногда даже баловали. Всё это напоминало ей о детстве, о тех славных временах, когда она гостила в старом доме бабушки по материнской линии. Вирея помнила вот такую же печь, а ещё яблоневые сады, бескрайние луга, на которых паслись коровы, кисловатый аромат зреющих в кладовой сыров, вкус гречишного мёда и творожных лепёшек...

Тогда она чувствовала себя счастливой, а жизнь была размеренной и полной важных смыслов. Но отец терпеть не мог дальние радиусы, где почти не работали сферы, а мама слишком его любила, чтоб настаивать на переезде. После смерти бабушки она, правда, пыталась заниматься фермами сама, но в итоге наняла управляющих и вернулась в город.

Вирея до сих пор думала, что именно город её и убил.

Отцу она об этом не говорила. Они почти не поднимали эту тему, о смерти от змеиной болезни обычно стараются молчать, да и думают нечасто. Но некстати всплывшее воспомина-

ние о детстве потянуло за собой и другие образы: золотистая чешуя на тонких запястьях, люди в форме Ордена Карающего пламени, плотные чёрные покрывала, расшитые алыми защитными знаками – в них маму завернули, прежде чем вывести из дома, потому что любой её неосторожный взгляд мог стоить кому-то жизни.

Гроб, в котором её вернули спустя три месяца, тоже был чёрно-красным и – Вирея знала, хотя крышку и заколотили намертво, – полным соли.

Настроение, успокоившееся было за время возни с пастилой, ухнуло вниз. Вирея вымученно улыбнулась, когда ей сунули завёрнутый в пергаментную бумагу сладко пахнущий брусочек, попрощалась с поварами и выскочила из кухни, чтоб почти бегом подняться с цокольного этажа на второй. К счастью, по дороге ей никто не встретился, да и комнаты её располагались в самом дальнем углу преподавательского крыла – и совсем рядом с лестницей для прислуги.

В крошечной гостиной её ждала Риона, полностью готовая к грядущему мероприятию: светлые волосы уложены в аккуратный пучок, к форменному тёмно-голубому платью приколоты парадный кружевной воротник и манжеты. Дана Ниври в качестве огромного исключения позволила Вирее поселить сестру у себя: Ри, тонкая, невысокая, с большими карими глазами, начала учиться в пансионе всего год назад и тут же подхватила воспаление лёгких – её кровать стояла у окна, хватило слабенького сквозняка да пары дней, чтобы несерьёзная вроде бы простуда переросла в опасную болезнь. Вирея тогда днями и ночами сидела у её постели, поила бульонами и микстурами, читала вслух и молилась про себя. Вытащила, вымолила – но с тех пор стала предусмотрительнее.

Первое время в пансионе удивлялись: как это, сёстры, а совсем не похожи, разве что ростом равны. Красота Ри казалась тёплой и хрупкой, как цветок одуванчика – дунь и рассыплется. Вирею же мама когда-то ласково звала своей зимужкой и говорила, что глаза у неё синее льдов, волосы чернее самой длинной ночи, кожа – ну разумеется! – белее снегов, а в голосе, как рассердится, вечная мерзлота.

«Зато в сердце, – добавляла она всякий раз, – полярное сияние небесной красоты и живой огонь. Повезёт тому, кто не побоится замёрзнуть рядом, присмотрится и разглядит».

Увы, разглядывать было некому. Да и незачем.

Косынка и заляпанный фартук произвели на Риону впечатление – она вытаращила глаза и прижала ладонь к губам.

– Держи, – Вирея сунула в руки сестре честно заработанную пастилу. – Я в душ, мне через час...

– Вирея, душечка!

От знакомого голоса все волоски на коже встали дыбом. Вирея медленно развернулась и встретила взглядом с мачехой.

– Доброго дня, дана Криста.

Гостья ласково улыбнулась и встала с кресла, такая же изящная и светловолосая, как Ри, и тоже в синем платье, но на воротнике не кружево, а лисий мех, украшенный янтарной брошью, на губах тёмная помада, и глаза подведены ярко, красиво.

– Ты совсем перестала следить за собой, милая, – посетовала она, подходя ближе, чтобы заключить падчерицу в объятия, но, слава фартуку, не решилась. Слегка поморщилась, рассмотрев старое коричневое платье Виреи, но ультрамариновый бархат её собственного выглядел слишком дорого, чтобы позволить перекочевать на него прилипшей яблочной кожуре.

А ведь отец в письмах всякий раз сетовал, что денег не хватает. Он мнил себя великим драматургом и, как многие творческие личности, нередко забывал о приземлённых вещах вроде необходимости содержать семью, однако жаловаться умел виртуозно. Столичные театры отказывались ставить его гениальные пьесы, арендаторы расторгли договора, требуя ремонта

недвижимости, фермы почти перестали приносить доход – очередной управляющий проворовался и сбежал...

Вирея не раз просила позволить ей вернуться в бабушкин дом и самой привести мамино наследство в порядок. В «Гнезде лебедя» учились девушки из знатных семей, будущие жёны высоких чиновников и крупных промышленников, потому образование им давали с упором на экономику, законы и управление хозяйством, а опыт секретарской работы под началом даны Ниври позволил ей отточить некоторые практические навыки. Конечно, где женский пансион, а где фермы, но...

Но женщина до положенных по закону двадцати пяти лет не могла принимать таких важных решений и распоряжаться крупным имуществом, а отец ни за что не давал согласия. В его понимании девушка из благородной семьи вообще не должна работать: её делом было перейти из-под опеки отца под опеку мужа, а потом взрослых сыновей, и ещё чего не хватало, лично возиться с коровами и общаться с пастухами! На то, чтоб позволить Вирее стать секретарём – уважаемая должность в уважаемом заведении, и никаких посторонних мужчин рядом! – дана Криста, близко знакомая с директрисой, уговаривала его почти неделю.

– ...Мне очень горько думать, что ты решила поставить на себе крест. И ведь твой внешний вид бросает тень не только на твою репутацию, но и на репутацию твоей сестры! Ей совсем скоро выходить замуж, ты, как старшая, должна понимать, что...

Дане Кристе Вирея была даже благодарна. Та и сама похоронила мужа, но по её же собственным словам не позволила горю себя сломить – двум несовершеннолетним дочерям нужен был отец. После скромной свадьбы она навела порядок в доме, взяла в свои руки все финансы, наняла новую прислугу взамен разбежавшейся, отучила отца чуть что братья за бутылку, а благодаря обширным связям всё же впихнула некоторые его произведения нужным людям. И да, она помогла устроиться самой Вирее. Дочь женщины, погибшей от змеиной болезни, не могла рассчитывать на замужество – кто же захочет рисковать тем, что в детях может проснуться магия? Жалованье секретаря было не особенно большим, но зато не приходилось оплачивать питание и проживание, да и форменные платья способствовали экономии.

Многословные поучения и цепкие, неуютные объятия можно было и потерпеть, с мачехой Вирея встречалась не более пяти раз за год, и в любой другой раз она привычно промолчала бы. Но за три дня её запасы терпения опасно истощились – аесли она не успеет привести себя в порядок до приезда наследника, директриса сожрёт её живьём, причём не факт, что в переносном смысле.

– Простите, дана Криста, я очень спешу. Я непременно выслушаю вас вечером.

Повисла удивлённая тишина. Вирея сорвала с головы косынку и, на ходу развязывая тесёмки фартука, направилась к спальне, но на пороге замерла.

На её кровати лежало бальное платье: нежная ткань цвета топлёного молока, лиф, расшитый крошечными розами, длинный многослойный подол. На фоне серого покрывала оно выглядело так, словно его принесли из волшебной сказки. Рядом на столике стояла знакомая шкатулка с перламутровой мозаикой на крышке – мама хранила там украшения с жемчугом.

Вирея не посещала зимний бал с её смерти – девушки знакомились там с потенциальными женихами, а у неё не было ни единого шанса, и она предпочитала не вводить людей в заблуждение и провести время с книгой. Тратить деньги на платье для одного раза казалось глупым, лучше уж купить тёплые сапоги и обогреватель на сферах, да ещё осталось бы на пуховый платок. Однако танцевать она всегда любила, и в последнем письме об этом упомянула. Но такое платье стоит целое состояние... Неужели отец решил её побаловать?

Конечно, нет.

– Красивое, правда? – произнесла мачеха у неё за спиной, и Вирея поспешно шагнула в комнату, увеличивая дистанцию. – Я хочу, чтобы Риона блистала на этом балу. Я уверена, ты хочешь того же, ведь если она выгодно выйдет замуж, это может сказаться и на твоей судьбе.

Вирея молча уронила косынку и фартук на пол, взяла в руки шкатулку. Внутри оказался любимый мамин гарнитур: кольцо из трёх нитей крупного золотисто-розового жемчуга, такие же серьги, браслет из жемчужинок поменьше.

– Очень красивое платье, – произнесла она деревянным голосом. – Отец недавно жаловался, что большую часть маминых украшений пришлось продать или заложить.

Мачеха обошла её, чтобы заглянуть в глаза.

– Твой отец любит преувеличивать, – холодно улыбнулась она. – А у меня есть и свой доход. Ты же не собираешься считать деньги, которые я готова потратить на счастье своей дочери? Хотя, конечно, вот это, – она взглядом указала на шкатулку, – по праву принадлежит тебе. Но ведь ты любишь сестру, Ви, милая?

Тонкие пальцы ласково коснулись запястья. Вирея вздрогнула, едва не уронив шкатулку, и прикусила губу. Дана Криста внимательно всмотрелась в её лицо.

– Ох, прости, я совсем не то подумала, – проговорила она, сочувственно поглаживая Вирею по руке. – Ты увидела эти украшения и вспомнила маму, мне говорили, что вы были очень близки. Я не хотела делать тебе больно. И прости, что заподозрила, будто... Ты ведь не огорчишься, если Риона наденет их на бал? Я могу ещё послать за комплектом моей матери, он попроще, но...

...Но на балу будет принц, Рионе положено блистать, и нет, ей совсем не жаль жемчуга для сестры, он будет на ней замечательно смотреться, и к платью подойдёт. К тому же Вирее всё равно не идут тёплые оттенки розового, вряд ли она стала бы носить комплект. А дана Криста всегда была добра к ней, она заботится об отце, и просто оскорбительно было бы предполагать, что вот это платье куплено на наследство матери...

Мачеха осторожно забрала из её рук шкатулку, и Вирея не стала возражать. Вряд ли замужество Рионы сделает её жизнь лучше, но если уж ей самой не повезло, то глупо лишать сестру возможности обрести счастье. Вот только...

– Рионе непросто с такой сестрой. Я ведь никогда не выйду замуж, и это тоже может сказаться на репутации.

– У меня прекрасная сестра, – вдруг подала голос сама Риона. – Ви, тебя ведь ждут через час.

Вирея недоумённо оглянулась на неё, но тут же вспомнила. Директриса! Наследник! Торжественная встреча!

Она охнула и бросилась в душ, благо в преподавательском крыле душевые, пусть и крошечные, имелись при каждой комнате. Дана Криста попыталась её окликнуть, но Вирея уже не слушала – поговорить и впрямь можно вечером. А сейчас вымыться, высушить волосы – хорошо, что они длинные, густые и красиво ложатся волнами, но как же долго они сохнут! Надеть платье, жемчужно-серое и строгое, приколоть кружево, заплести косы и уложить в «корзиночку», закрепить шпильками с перламутровыми бусинками – единственная вольность в честь торжества...

Бальное платье всё ещё лежало на кровати, и перекладывать его Вирея не стала. А вот шкатулка исчезла, и на её месте лежала нетронутая пастила, хотя бумагу, кажется, разворачивали. Вирея задумчиво коснулась края упаковки пальцем, уголок выскользнул, развернулся, а на внутренней стороне обнаружились два слова.

«Не соглашайся».

Мелкие, округлые буковки писала Риона, почерк сестры Вирея узнала легко. Но понятнее не стало. На что она не должна соглашаться? Дана Криста не сказала ничего особенного, а жемчуг... Что ж, без платья его всё равно некуда носить, так что не слишком жалко. Может быть, мачеха хотела сказать ещё что-то? Но почему тогда ушла? И почему это вдруг Ри не согласна с матерью?

Вирея мельком глянула на часы и решила, что о загадках будет думать позже. А сейчас – работа и ещё раз работа!

У даны Ниври, как оказалось, были другие планы.

– Милочка, где вы были?! Вас уже полчаса ищут по всему пансиону!

Вирея снова глянула на часы – большие, чёрные, висящие на стене директорского кабинета. Ей было велено явиться в приёмную в три, но минутная стрелка успела доползти только до девятки. Отчего же начальница злится так, что тёмные деревянные шпильки в её пышном каштановом пучке дрожат, как иглы у разгневанного дикобраза?

– Что-то изменилось? – уточнила она осторожно. – Вчера нам сообщили, что наследник прибудет в четыре, у нас ещё есть время.

Директриса экспрессивно всплеснула руками, широкий тёмно-синий рукав смёл со стола пару карандашей.

– Наследник! Дорогая моя, разве в вашем положении думать о наследнике?! Прибывают родители учениц, их всех нужно разместить, и это...

– Не мои обязанности, – спокойно и чётко перебила Вирея. – Вы распорядились, чтобы я помогала на кухне, гостями должны были заниматься ваши заместители. Это зафиксировано в протоколе вчерашнего совещания, и на нём стоит ваша подпись.

Дана Ниври изумлённо примолкла. В любой другой день Вирея смиренно согласилась бы с собственной неправотой, принесла начальнице её капли, поворковала успокаивающе – о, она и такое умела. Однако сегодня явно был не любой другой день.

– Вы смеете мне возражать?!

– Лишь напоминаю, что выполняла ваши указания.

– То есть это я виновата, что вы полдня отсутствуете на рабочем месте?!

Вирея постаралась дышать ровно. От голоса директрисы звенело в ушах, казалось, что все слова, которым она многие годы не давала выхода, обернулись снежной бурей – и сейчас вырвутся наружу, сметут со стола документы и статуэтки, завалят кабинет снегом до самого потолка. В последний миг встрепенулась отчаянная мысль, что если её уволят, то пойти будет решительно некуда, и Вирея изо всех сил стиснула кулаки, стараясь удержать себя на грани полноценного скандала. Но часть её чувств наверняка отразилась на лице, потому что дана Ниври слегка побледнела, села очень ровно и всё же понизила голос.

– Хорошо. Вот вам новое указание. Поскольку вас не было на месте в нужный момент, я уже распорядилась, что на сегодня вас заменит воспитанница Фарро. Вы же, раз уж у вас неожиданно образовались свободные полдня, отправитесь в библиотеку, дана Оллина давно просила помощи с каталогами.

В первый миг Вирея ощутила лишь лёгкую досаду – посмотреть на гостей было бы интересно, но и что ж, в библиотеке тоже неплохо. Во второй пришло возмущение – кто-кто её заменит? Сиера Фарро?! Крикливая выскочка с последнего курса, которая зачем-то тайком укорачивает форменные платья и жалуется, что верхняя пуговица вечно расстёгивается почём зря? Да она весь пансион опозорит!

– Мне кажется, – проговорила она очень ровно, – у воспитанницы Фарро отсутствует квалификация, чтобы справиться с обязанностями секретаря.

Директриса хмыкнула и глянула на неё поверх тонких прямоугольных очков.

– За полдня вашего отсутствия пансион не развалился, – напомнила она с ехидцей. – Простой и ещё полдня. К тому же девочке нужно выходить замуж, ей показаться наследнику и его свите важнее, чем вам. Или вы тоже на что-то надеетесь? Полно, дорогая, вы старше его высочества на целых шесть лет!

Очень захотелось врезать кулаком по столу, но девушке из благородного семейства такое точно не пристало.

– Я не собираюсь замуж, – процедила Вирея.

Ответом ей стала ласковая улыбочка.

– Тогда чем же вы недовольны?

И правда – чем?

Внутри вдруг стало тоскливо. Вирея молча наклонила голову, развернулась на каблуках и вышла в пустой гулкий коридор. Перед тем как направиться к лестнице, она подошла к окну – на площади перед парадным крыльцом старшая наставница выстраивала воспитанниц стройными рядами, невзирая на то, что до приезда дорогих гостей оставался почти час.

Хорошо, что самой Вирее этот час не придётся торчать на морозе.

Плохо, что торчать придётся Рионе.

А ещё плохо...

Да всё.

Всё плохо.

Вирея коротко вздохнула, стиснула зубы и направилась в библиотеку.

Глава 3. Проклятия и традиции

Мать-Настоятельница Ордена Исцеляющей длани встречала гостей в небольшом круглом зале, украшенном белыми полуколоннами и голубыми драпировками. Узкие высокие окна пропускали свет неохотно, зато проявляли благосклонность к сквознякам, и в зале было холодно, хотя и душно. Язычки свечей непрерывно трепетали, тени на стенах шевелились, вздрагивали мутные отражения и размытые блики на чёрном мраморе пола. Запах нагретого воска казался одновременно жирным и пыльным, Гэлхану некоторого труда стоило не морщиться.

Виски ныли, несмотря на таблетку.

– ...И я надеюсь, что пребывание вашего высочества в резиденции Исцеляющей длани будет не только приятным, но и принесёт пользу как вашей душе, так и всей империи.

Мать-Настоятельница, невысокая, очень полная пожилая женщина, милостиво улыбнулась Ивору. В зале не было ни одного кресла, да и вообще никакой мебели, лишь полукруглое возвышение напротив входа. Всего три ступени, но их хватило, чтобы глава ордена и столпившиеся за её спиной приближённые дамы, все в парадных бело-синих платьях с пышными подолами и высокими воротниками, могли смотреть на гостей чуть свысока – и особенно на обоих представителей иных орденов.

Гэлхан краем глаза заметил, как Ансельм поджал губы. Он и сам не отличался ростом, а дан младший магистр был ниже его на целых полголовы, хотя и шире втрое. Зато долговязый Ивор не испытывал ни малейших неудобств: всю недолгую встречу он вёл себя идеально вежливо, как и подобает императорскому наследнику, и даже горностаечка тихо сидела на его плече, не порываясь бежать. Гэлхан стоял слева от него – «со стороны сердца чувствующего», как предписывала традиция, – и следил внимательно, но пока придраться было не к чему. Разве что к улыбке подопечного – такой широкой, что до откровенно идиотской не дотягивала самую малость.

– Благодарю за гостеприимство, дана Аветта. Я столько интересного слышал об этих местах и теперь безмерно рад наконец-то увидеть всё своими глазами! Это правда, что монастырскому кладбищу почти тысяча лет, а библиотеке – более пятисот? А на завтрашнюю церемонию Утренней благодарности нас в самом деле пустят? И нам ведь организуют экскурсию? А ещё мне говорили...

Мать-Настоятельница выглядела довольной – словно строгая бабушка, которой старательный внук рассказал первый в жизни выученный стишок про котика. Гэлхан тоже поверил бы восторгам наследника, если б тот не повторял сейчас почти слово в слово всё то, что накануне выслушивал с весьма кислой физиономией.

Что ж, во всяком случае, он не забыл получасовую лекцию через пять минут.

– Экскурсия для вас и вашей свиты запланирована на первую половину завтрашнего дня, – любезным тоном напомнила Мать-Настоятельница. – Отрадно знать, что в столь молодом возрасте вы проявляете интерес к истории. Вы сможете задать любые вопросы, сопровождающие непременно ответят. А сегодня вас ждут в пансионе.

Ивор уловил намёк и рассыпался в благодарностях и комплиментах. Дан Ансельм справа от него – «со стороны десницы разящей и созидающей», – подал знак замершим у входа охранникам. Свита расступилась, принц обернулся на звук шагов, и тени на лице на миг превратили идиотскую улыбочку в хищную.

– Мне не хотелось бы задерживать вас, дана Аветта, но позвольте один маленький вопрос напоследок?

Гэлхан успел сделать шаг назад и теперь за спиной принца видел лицо Ансельма – тот выглядел так, будто очень хотел закатить глаза, но пока сдерживался.

– И что же вас интересует?

– Это правда, что сто семьдесят лет назад здесь сожгли ведьму, и теперь её проклятие убивает всякого представителя Карающего пламени, который посмеет сюда явиться?

«Паршивец», – ласково подумал Гэлхан, глядя, как выплывает приятная улыбка Матери-Настоятельницы.

– Мы поговорим об этом вечером, ваше высочество, – негромко сказал он, и одновременно с ним дан Ансельм произнёс:

– Никакого проклятия не существует.

Они уставились друг на друга. Дан Ансельм старательно приподнял уголки губ – в сочетании со свежими царапинами вышло злое.

– Проклятия и магия в компетенции моего ордена. О чём собираетесь говорить вы?

Теперь Гэлхану пришлось сдерживать желание закатить глаза. О проклятиях, стихийных, неснимаемых, предсмертных и даже посмертных, он знал куда больше, чем мог предположить дан Ансельм, но признаваться в этом, разумеется, не собирался.

– Мы побеседуем об истории, легендах и уважении к традициям.

И, в частности, о причине, из-за которой представителям Карающего пламени не рекомендовалось появляться на территории Исцеляющей длани. Император и Великий Магистр уговорили Мать-Настоятельницу сделать небольшое исключение, однако совсем не стоило расхаживать по резиденции в чёрно-красной мантии. Увы, попытка напомнить об этом утром потерпела неудачу – дан Ансельм категорически заявил, что устав его ордена предполагает при исполнении обязанностей неременное ношение официальных цветов.

Ивор коротко глянул через плечо. В синих глазах светилась настолько искренняя растерянность, что Гэлхан мысленно добавил к паршивцу ещё несколько эпитетов.

– Простите, моё любопытство, возможно, несвоевременно, но... Я читал, что погибло двадцать семь человек, разве это не достаточное доказательство? И разве вы не поэтому просили дана Ансельма переодеться?

Двадцать девять, вспомнил Гэлхан. Не самая пугающая статистика за более чем полтора века, и каждый случай рассматривался со всем вниманием. И что такое, спрашивается, Ивор читал? Развлекательные порталы сомнительного качества? В книге об истории Исцеляющей длани, которую Гэлхан принёс наследнику из дворцовой библиотеки, о проклятиях не было ни слова – так ведь нет, его высочество изволил не учиться, а подслушивать!

– Вы преувеличиваете, – произнёс дан Ансельм мягким, певучим голосом. – Я говорил дану Гэлхану и повторяю вам: никакого проклятия не существует, есть лишь череда несчастных случаев, не связанных друг с другом. Резиденцию проверяли неоднократно, собирались комиссии из лучших специалистов, и магов в том числе. И я уверен, что мне ничего не угрожает, не так ли, досточтимая матушка Аветта?

Взгляд Матери-Настоятельницы стал холодным и тяжёлым.

– Дан младший магистр прав, – проговорила она медленно. – Никто в Исцеляющей длани не таит против вас зла. Существует проклятие или нет, решать не мне, но живущих здесь людей ваше облачение будет тревожить. Я прошу вас на три дня либо слегка нарушить устав, либо не покидать гостевых комнат. Ступайте, ваше высочество, мы увидимся с вами завтра.

Ансельм открыл было рот, но Ивор уже молча поклонился, развернулся и успел поймать горностаечку до того, как она, недовольная движением, попыталась соскочить с его плеча на пол. Гэлхан спохватился и поклонился тоже, краем глаза продолжая следить за подопечным. Но его высочество явно сказал всё, что собирался, и теперь быстро пошёл к дверям, не заботясь о том, успевают ли за ним духовники.

Гэлхан успел и выскользнул в коридор как раз вовремя, чтобы занять место у левого плеча принца раньше других.

– Это было неразумно и не слишком вежливо, – негромко произнёс он, делая знак телохранителям, чтоб придержали свиту на расстоянии. – Если вы читали ту легенду, то должны понимать, что представителям обоих орденов неприятно напоминание о проклятии, вне зависимости от того, есть оно или нет.

Ивор глянул на него быстро и весело, снял с плеча свою зверушку и посадил на манжет, позволяя ей взбежать по рукаву вверх.

– Хорошо, что у Серебряного древа нет конфликтов ни с теми, ни с другими, – проговорил он насмешливо, хотя и так же тихо. – Вы так стараетесь сглаживать ситуацию... А ведь если подумать, дану Ансельму лучше оставаться в мантии. Древнее проклятие вряд ли можно обмануть тряпками – зато крови не будет заметно, труп выйдет более эстетичным.

Как есть паршивец.

Принц подмигнул, тут же отвернулся и окликнул приятеля из свиты. Гэлхан шагнул в сторону, пропуская процессию, на миг зажмурился и всё же заставил себя посмотреть на наследника с помощью Истинного зрения. В правый висок немедленно впиалась невидимая игла, часть лица будто онемела, перед глазами задрожали пятна, грозя мигренью, но дар в очередной раз подтвердил, что прямо сейчас Ивора никто не собирался убивать. Хотя, если он продолжит себя так вести...

Гэлхан вспомнил наивный взгляд вкупе с улыбочкой и сотворил знак трилистника.

– ...Как вам всем известно, Орден Карающего пламени был создан практически сразу после Катастрофы. Учёные до сих пор не могут сказать точно, что именно стало источником волны дикой магии, затопившей Алемскую долину. Однако ситуация сложилась критическая: с одной стороны мутировавшие животные и потусторонние твари, с другой – змеиная болезнь, которая прогрессировала с невероятной скоростью.

– Терпение Всевышнего велико, но не бесконечно, – вставил дан Ансельм. – Те, кто поддался искушению и прикоснулся к силе Великого Змея, получили своё.

Мантию он всё же снял, надев вместо неё строгий чёрный костюм. Знак Карающего пламени, два скрещенных меча в огненном венке, переливался на его груди алой и золотой эмалью – в гостевых покоях, среди своих, скрывать принадлежность к ордену не было нужды.

– Спасибо за замечание, – спокойно отозвался Гэлхан. – Итак, своевременно поставить заслон от тварей не удалось, те, кто пытался по привычке использовать магию, погибли от мутации в первые же часы, организовать эвакуацию вышло тоже далеко не сразу. Хаос, паника, попытки под шумок захватить власть... На счастье выживших, среди них всё же нашлись люди с хорошими организаторскими способностями. Первый Великий Магистр Ордена Карающего пламени, Лейро Таридан...

– Святой Лейро, да хранит Всевышний его душу.

– Именно. Он сумел создать патрули против тварей, его люди помогали жителям Алема и ближайших поселений выбраться с опасной территории. И именно с его подачи городские артефактики и примкнувшие к ним лояльные маги сумели остановить волну в пределах долины.

– Получились Дикие земли, – проговорил кто-то в углу.

Принц и его сопровождающие устроились на мягких диванах и креслах в гостиной на третьем этаже левого крыла пансиона. Двери комнат выходили в коридор, который посередине расходился в стороны на ширину этажа, образуя общее пространство: в одной его половине стояли диваны, а в той части, что смотрела окнами на парадный вход, располагался большой круглый стол, окружённый стульями, и несколько шкафов со стеклянными дверцами.

Ниже, на втором этаже, находились комнаты преподавателей, на первом – столовая и кухня. Правое крыло занимало общежитие воспитанниц, куда мужчинам входа не было – директриса пансиона, которая лично провожала гостей к их pokojам, упомянула об этом несколько раз. Центральную часть здания занимали учебные классы, мастерские, музыкальные

комнаты, библиотека и большой зал, уже частично украшенный к празднику – бал ожидался послезавтра.

Программа визита включала ещё несколько мероприятий, но гостям нужно было отдохнуть с дороги, и потому сегодняшний вечер остался свободным. Гэлхан прекрасно знал, что как следует устать никто не успел, а уж на что могут быть способны со скуки полтора десятка молодых людей в замкнутом помещении... Своих студентов он без раздумий отправил бы чистить двор, тем более что снегопад под вечер усилился, превратившись в настоящую метель. Он и сейчас не исключал такую возможность – отличный повод совершить подвиг ради прекрасных дам, которые наверняка будут подсматривать из окон! Но к этой идее наследников благородных семейств нужно было подвести аккуратно и бережно, чтобы ни у кого и мысли не возникло, что их заставляют. Поэтому пришлось пока нагружать не руки, а мозги, тем более что послушать о проклятиях оказалось интересно всем.

– Верно, Дикие земли, – Гэлхан поощрительно улыбнулся щуплому парнишке в очках, который выглядел даже младше Ивора. – Между прочим, отсюда всего двадцать пять километров до их границы. Поэтому, а ещё потому, что Исцеляющая длань всегда была орденом целительским, в резиденции располагался временный пункт содержания эвакуированных.

Бело-синим повезло. Они и до Катастрофы развивали в основном немагическую медицину, принимали в орден и обычных людей, и тех, чьих слабых способностей не хватало для полноценной инициации, и змеиная болезнь не выкосила орден подчистую, как многие другие. Было объявлено, что монастырь и земли вокруг него находятся под небесной защитой, а проклятие Великого Змея не смеет коснуться тех, кто чист душой. Целительницам даже позволили оставить своих инициированных в стенах резиденции при условии, что те откажутся от использования магии и станут носить артефакты-блокираторы.

Они же стали добровольными подопытными.

– Сначала чешуя появляется только на запястьях, затем ползёт выше – плечи, шея, лицо. На первой стадии человек ещё способен контролировать магию, однако чем больше энергии он через себя пропускает, тем быстрее развивается мутация. Вторая стадия начинается, когда чешуёй покрыто не менее трети кожных покровов...

– Четверти хватит, – брезгливо перебил Ансельм. – Жалкое зрелище, отвратительное, и совсем не та тема, которую стоит обсуждать в приличном обществе. Вы видели хотя бы одного инициированного?

Гэлхан пожал плечами.

– Я имел дело с тремя лицензированными магами Карающего пламени, – проговорил он. Сделал паузу, дождался жадного интереса на лицах и спокойно добавил: – Хвостов не заметил.

Со всех сторон послышались смешки. Шуточки и байки о том, насколько далеко может зайти мутация орденских магов, точно не стоило повторять сейчас, но каждый из слушателей наверняка знал одну-две, а то и больше. Ансельм недовольно засопел, выпрямился в кресле, и смех тут же стих, но Гэлхан не собирался упускать инициативу.

– А ещё я четыре месяца работал в спецбольнице. Я видел людей, полностью покрытых чешуёй, с клыками, когтями, раздвоенными языками, змеиными глазами. Людей, которых привезли умирать, потому что никакие современные лекарства не могут обратить мутацию. Но человек в чешуе, страдающий, униженный, раздавленный морально и физически, не перестаёт быть человеком, и в самом жалком теле заключена душа, созданная Всевышним. И этой душе, как бы ни повредило её проклятие Великого Змея, нужно наше участие – чтобы кто-то выслушал исповедь, нашёл слова утешения, побыл рядом в последние мгновения, прочитал отходную молитву. Разве можем мы, служители Триединой церкви, отвернуться от этой души лишь потому, что тело её безобразно? Разве не в том наш долг, чтобы зажигать искры света в самой глухой темноте?

Дан Ансельм открыл было рот и снова закрыл. Немного подумал. Улыбнулся.

– Вы, несомненно, правы, дан Гэлхан. Душа прекрасна, и свет, зажжённый в ней Всевышним, неугасим. Однако разглядеть этот свет бывает непросто, да и не всякому дано. Слушатели церкви, как вы верно заметили, способны не только отыскать малейшую искру, но и разжечь свой огонь, и тем уберечься, однако многих иных тьма отпугнёт, собьёт с пути, и вместо одной покалеченной души у нас будет две. Потому инициированных, даже обученных орденовских магов, держат в изоляции – и потому я позволяю себе жёсткие слова, дабы оградить этих юношей, – он обвёл слушателей широким жестом, – от ненужных искушений. Отец или мать, брат или сестра, друг или возлюбленная – тех, кого взял Великий Змей, нельзя вернуть. Помните об этом, молодые люди.

– Помните об этом, – подхватил Гэлхан, – и берегите сияние собственных душ, разжигайте огни, наполняйте себя светом благих дел. Когда вам придётся столкнуться с настоящей тьмой, у вас не будет иных светильников, кроме собственного сердца.

Повисла тишина. Гэлхан чувствовал лёгкую досаду – он вовсе не собирался спорить с Ансельмом, но слова о жалком зрелище царапнули глубоко и лично, слишком многих он в своё время проводил. Хотелось бы верить, что никому из присутствующих в ближайшее время не понадобятся услуги жреца Серебряного древа, особенно...

Ивор сидел очень прямо и смотрел на него так внимательно, будто понял вдруг что-то важное. Стоило взглядам встретиться, принц тут же отвёл глаза и притворился, что занят только своей зверушкой. Зато подал голос сидевший слева от него блондин лет двадцати пяти в тёмно-красном, самый старший в компании потенциальных женихов.

– Вы обещали рассказать о проклятии, – напомнил он, вежливо улыбаясь, – а говорите о змеиной болезни.

Гэлхан заставил себя ответить такой же улыбкой.

– Прошу прощения, я действительно отвлёкся. Итак, Исцеляющей длани разрешили оставить ту немногую магию, что была у ордена до Катастрофы, хотя и применять её позволено было лишь для изучения змеиной болезни и под строгим надзором. Всем прочим инициированным было предписано добровольно сдаться в руки Карающего пламени, где большинству блокировали дар и отправляли на поселение в отдалённые монастыри – спецбольниц на тот момент ещё не существовало. Тех, кто был способен контролировать дар, обязали работать на благо ордена. А всех, кто добровольно не сдался и предпочёл скрыться, объявили преступниками.

– Их помыслами руководил Великий Змей, – снова не удержался Ансельм. – Они представляли опасность.

– Да-да, – вздохнул Гэлхан. – Отряды Карающего пламени неустанно разыскивали отступников и однажды нашли трёх несознательных девиц в больнице Исцеляющей длани.

– Я читал, – неожиданно мечтательным тоном проговорил сосед Ивора, – что возлюбленный одной из них служил магом в Карающем пламени. И что он сдал её сам...

– ...Дабы очищающий огонь изгнал тьму из её души, – упрямо перебил Ансельм. – Это ли не истинная любовь?

Слушатели воззрились на него – кто насмешливо, кто изумлённо. Гэлхан мысленно обругал всех художественно одарённых писак, способных высосать романтическую историю из самой сухой новостной сводки, да так, что спустя почти двести лет она продолжает смущать умы. Сам он видел в архиве копию с копии приговора – список прегрешений отступниц выглядел внушительно. У ведьм, способных на такое, вполне хватило бы силы проклясть целый орден, особенно если на месте казни не проводили ритуалов, рассеивающих посмертную ауру.

Другой вопрос, что самое сильное проклятие при пониженном магическом фоне не продержалось бы сто семьдесят лет. А книга, в которой Гэлхан об этом читал, была засекречена почище, чем шифр от двери императорской сокровищницы.

– Их обвинили в попытках тянуть жизненную силу из пациентов, чтобы замедлить собственную мутацию, – проговорил он по возможности нейтральным тоном. – А ещё в незаконном применении ментальной магии – они отводили глаза другим целительницам, чтобы те не замечали чешуи. Официального обвинения в укрывательстве руководству ордена предъявлено не было, но преступниц действительно казнили прямо в резиденции. И заниматься любой магией здешним целительницам запретили, и все сложные артефакты конфисковали, и часть библиотеки вывезли. С тех пор и настал конец тесной дружбе между Исцеляющей дланью и Карающим пламенем.

– Дружба, – хмыкнул дан Ансельм, откидываясь на спинку кресла. – Скорее, это было сотрудничество, которое одна из сторон поставила под угрозу. Женщинам нельзя доверять – ни магию, ни в целом. Это, молодые люди, вам тоже стоит запомнить.

Горностаечка, до этих слов дремавшая на коленях хозяина, подняла голову и сердито фыркнула. Вокруг засмеялись, зверушка, напуганная шумом, тут же взлетела Ивору на плечо и уткнулась носом в воротник, явно думая, что хорошо спряталась.

Принц легонько подёргал её за хвост.

– Так что с проклятием? – уточнил он спокойно.

Гэлхан глянул на Ансельма, и тот развёл руками.

– Помилуйте, уважаемые даны. За те же сто семьдесят лет в резиденции умерло гораздо больше людей Исцеляющей длани, и что ж теперь, считать, что ведьмы прокляли и их тоже?

Послышалось ещё несколько смешков, но тут снова вмешался Ивор.

– Через месяц после казни погибло десять человек, – всё так же спокойно проговорил он. – Внезапно открылся разрыв, оттуда полезли твари. Роковая случайность, но целительниц, находившихся в том же помещении, не тронули. Спустя две недели – ещё пятеро, рухнула крыша. Оба раза собирались комиссии, но ничего такого, что можно было бы поставить в вину Исцеляющей длани, не нашли. На то, чтобы не нарываться массово, ума хватило, и с тех пор представители Карающего пламени приезжали в резиденцию ненадолго и только по одному-двое. С теми, кто успевал закончить свои дела до вечера, обычно ничего не случалось. Любой, кто оставался здесь на ночь, умирал в течение одного-двух дней.

Гэлхан поймал себя на желании погрозить наследнику кулаком. Все остальные устали на Ансельма – без страха, но с откровенно исследовательским любопытством. Тот раздражённо поджал губы, но ответить не успел.

– Вы зря переживаете, ваше высочество, – произнёс молодой человек в красном, и Гэлхан всё же вспомнил имя – Лиорель Йенро, второй сын министра связи и путей сообщения. – Здание пансиона построено всего шестьдесят пять лет назад, по воле вашей уважаемой прабабушки, до этого остров пустовал, а ваши ведьмы если и накладывали какие-то чары, то лишь на уже имеющуюся недвижимость. Я уверен, что нашим спутникам ничего не грозит – и, возможно, стоит закрыть эту тему? Мы, в конце концов, не о магии беседовать приехали, у нас более взрослые интересы.

Внешне Ивор остался абсолютно спокоен, но Гэлхан успел узнать его достаточно, чтобы по тому, как мимолётно сузились глаза подопечного, определить вспышку тщательно скрытой ярости.

– Я помню о цели, дан Лиорель, – небрежно отозвался принц, вставая. – И припоминаю также ваши вчерашние рассуждения о том, как выбрать идеальную женщину. Жаль, конечно, что она наверняка ждёт идеального мужчину, а не вас – но ведь каждому нужна мечта.

Блондин рассмеялся первым, спустя мгновение подхватили остальные. Ивор усмехнулся и глянул в окно, за которым сгустились зимние сумерки.

– Дан Гэлхан, я надеюсь, никто не будет против, если мы выйдем в парк? Здесь душно.

Желающих прогуляться оказалось ещё пятеро, включая Лиореля. Слуги бросились за верхней одеждой, ждать на месте Ивор не захотел и первым направился к выходу. Шаг он

замедлил уже у самой лестницы, в небольшом круглом холле, соединяющем левое крыло с центральной частью здания. Гэлхан привычно шёл слева и потому тонкую фигурку, прячущуюся между портьерами, заметил первым – ещё раньше, чем по нервам резанул чужой страх.

Охрана среагировала на движение лишь мгновением позже, но опасности на первый взгляд не было, только незнакомая девушка в форменном платье пансиона – совсем юная, светленькая, смущённая до красных пятен на щеках. Гэлхан поймал её взгляд и едва не поморщился, снова уловив эхо чужих эмоций. До полноценной эмпатии его дар не дотягивал, да и далеко не всякого удавалось прочесть, но эта девочка боялась очень сильно. Тут же проснулась подозрительность – если боится, зачем пришла? Может, это шпионка? Убийца? Может, у неё бомба под платьем?

Всё оказалось проще.

– А, Риона! – воскликнул Лиорель и шагнул к девушке ещё до того, как она успела что-то сказать. – Уважаемые даны, позвольте представить – моя троюродная сестрёнка, Риона Дарру.

Он поймал девушку за руку, коснулся губами тонких пальцев. Риона тихо ойкнула и покраснела ещё сильнее. А Лиорель быстро представил ей принца и его спутников, а потом принялся рассказывать: сестре шестнадцать, она учится здесь совсем недавно, но наставницы её хвалят, а грядущий бал станет для неё первым. Тётушка очень хотела, чтобы посетить его смогла вся семья, а это досадное ограничение от Имперской службы безопасности её ужасно расстроило, «и если сама она уже приехала, ты проводишь меня к ней?»

Риона, которая за всё время его монолога не поднимала взгляда, покачала головой.

– Матушка в правом крыле, – прошелестела она еле слышно.

Лиорель закатил глаза.

– И верно, как я мог забыть – это ведь запретная территория. Давай я провожу тебя хотя бы до дверей, а ты расскажешь мне новости?

Девушка неровно вздохнула и подняла голову. Гэлхан присмотрелся, и ему показалось, что её щеки горят не только от смущения.

– Как вы себя чувствуете, дана Риона? – спросил он мягко. – Вы не простудились?

В глазах девушки промелькнуло удивление.

– Благодарю, я здорова. – Она чуть заметно улыбнулась, но при взгляде на брата улыбка растаяла, зато голос вдруг зазвучал твёрже и громче. – Мне велено передать, что она в библиотеке. Ещё полчаса.

Судя по выражению лица Лиореля, сообщение его не слишком обрадовало. Он покосился на лестницу, потом обернулся к спутникам.

– Прошу простить меня, ваше высочество, я не смогу присоединиться к вам на прогулке.

Ивор жестом остановил слугу, который принёс пальто, и с искренним любопытством уставился на девушку.

– «Она в библиотеке»? Кто это – она?

– Книга, сборник романтической лирики поэтов первого столетия, – быстро проговорил Лиорель, и одновременно с ним Риона произнесла:

– Моя старшая сестра, Вирея.

Его высочество улыбнулся откровенно хищно. На Лиореля он демонстративно не смотрел, а Гэлхану показалось, что тот раздосадован, хотя и старается не подавать вида.

– А знаете, дан Гэлхан, я передумал, – проговорил Ивор весело. – На улице темно, холодно и снега по колено. А вот профессор Тири, мой преподаватель истории, велел написать работу об Исцеляющей длани, когда узнал, куда я еду. Дана Риона, в библиотеке пансиона ведь есть необходимая литература? Это на четвёртом этаже, я правильно помню?

Когда принц размашистым шагом двинулся к лестнице, Гэлхан приотстал и предложил Рионе руку, а та, хоть и заколебалась, не стала возражать. Пальцы у неё оказались ледяными, но физический контакт усилил дар, позволив снова ненадолго поймать чужие чувства: под стра-

хом ощущалось странное торжество. Увы, читать мысли не умели даже полноценные эмпаты, и Гэлхан не смог бы понять, что именно обрадовало девушку – зато приближающуюся простуду он диагностировал легко. Рионе срочно требовалось горячее питьё, растирание согревающими мазями и тёплая постель, иначе девушка рисковала пропустить бал.

Оставалось надеяться, что сестра сумеет о ней позаботиться.

Глава 4. Женихи и книги

Вирея раскрыла голографическую модель, чтобы в очередной раз полюбоваться, как на ладони вырастает изящное деревце. Она бывала на экскурсии в куполе Ксантарского Накопителя и знала, что высота его более тридцати метров, а прототипом послужила сосна, но от тех сосен, что росли на берегах Белого озера, осталась разве что идея. Причудливо изогнутый чёрный ствол, пышные шапки белой кристаллической хвои, тёмно-синие, тоже почти чёрные сферы, растущие прямо на ветвях – такое дерево во всей империи было лишь одно.

Возле Ксантара, ближайшего к резиденции крупного города, соединялись сразу три энергетические жилы. До Катастрофы их силой в основном пользовались маги, но уже тогда были люди, которые задумывались о более справедливом распределении мировых богатств. Так появилось первое Древо-Накопитель, на котором вместо плодов росли энергетические сферы – от крошечных, способных заставить работать наручные часы или детскую игрушку, до громадных, запускающих двигатели поездов и сферотанков. Когда Катастрофа лишила магов способностей и всех привилегий, именно сферы снабжали энергией будущую Алмарскую империю.

На столе перед Виреей стояла коробка, полная белых плиток шириной с ладонь и толщиной с палец. В империи было пятнадцать Накопителей, уникальных по форме, энергетическим структурам и свойствам сфер. По десять моделей на каждый, сто пятьдесят кодов из восьми цифр и трёх букв, которые нужно вбить с клавиатуры вручную. Сканер, конечно, справился бы быстрее, но он, увы, сломался на первой же плитке.

Вирея сканер не осуждала. Новая база на старых терминалах работала весьма условно, две недели назад в пансион привезли четыре контейнера с книгами и учебными материалами, а дана Оллина, руководившая библиотекой без малого двадцать лет, к технологиям относилась с опаской и имела привычку при любом зависании сети отключать терминалу питание. Как же, а если от ошибки в программе сфера треснет или вообще взорвётся, спровоцирует разрыв, оттуда полезут потусторонние твари – а у них ни мозгов, ни читательских билетов, ни привычки вести себя тихо!

Хорошо, что книги успели внести в базу раньше.

Она закрыла последнее окошко, отодвинула коробку и, пользуясь тем, что в библиотеке никого больше не было, сладко потянулась, разминая плечи и спину, покрутила головой: налево, к узкому коридорчику, ведущему в читальный зал, направо, к арке, за которой разместилось помещение с терминалами и голопроектором. И везде шкафы, слева, справа, за спиной, а в них книги, книги, книги, и запах бумажной пыли смешивается с терпким и свежим ароматом хвои – дана Оллина где-то вычитала, что эфирные масла кедра и сосны помогают усваивать информацию. Сама она вышла выпить чаю, потому что еду в библиотеке считала кошунством, и у Виреи было немного счастливого времени в тишине и одиночестве.

Работа в библиотеке была не тяжёлой, но довольно нудной, а, впрочем, куда лучше, чем дана Ниври с её истериками и каплями. Если получится отсидеться тут до самого вечера, день сойдёт даже за удачный. Может ведь ей когда-нибудь повезти?

Ну конечно, нет.

Дана Криста проскользнула в библиотеку, улыбнулась и плотно закрыла дверь.

– Мне сказали, что тебя можно найти здесь, – произнесла она, подходя ближе. – Днём ты так торопилась, да и мы тоже... А мне бы очень хотелось поговорить с тобой наедине.

– О чём? – спросила Вирея ровно, жалея, что плитки закончились – можно было притвориться, что ужасно занята.

Наверное, стоило бы предложить дане Кристе сесть. Но пара кресел двери были низкими, а высокая стойка перегородивала «приёмную» библиотеки от стены до стены – собеседницы

просто не увидели бы друг друга. Выходить же из своего убежища Вирея не очень хотела, как и впускать к себе посторонних.

Мачеха огляделась, на мгновение поджала губы.

– Мне кажется, ты всё же обиделась. И я тебя очень хорошо понимаю. Твой отец дал моим дочерям свою фамилию, он любит их, заботится, старается устроить их судьбу. А ты вынуждена жить вдали от семьи и самостоятельно себя содержать...

– Это было моё решение, – перебила Вирея, сверля взглядом столешницу.

– Конечно, милая, – в голосе даны Кристы слышалась улыбка. – Я уверена, ты хорошо понимаешь, что при любом затруднении можешь вернуться домой, отец будет только рад. И я была бы рада, что бы там ни говорили соседи.

Они говорили, припомнила Вирея, что инициация – проклятие Великого Змея. Что чёрно-красные никого не забирают просто так, и мама, наверное, тайком занималась тёмной магией. Что невеста с порченной кровью никому не нужна, «мы просим прощения, дан Дарру, но наша семья вынуждена разорвать помолвку».

«Я не хочу рисковать своими детьми», – сказал тот, чьё имя Вирея старательно выпалывала из памяти все эти годы. Ему было двадцать – святое небо, что он вообще понимал тогда о семье и детях? Через год родители подобрали ему новую невесту, и это было хорошо, потому что у него больше не было повода появляться в пансионе.

– Не было никаких обвинений, и нет никаких доказательств, что в тебе или твоих детях может проснуться магия, – проговорила дана Криста неожиданно строго, кладя обе ладони на стойку. – Я понимаю твои страхи, и благодарна за нежелание вредить репутации сестёр. Я даже могу понять, что тебе не нравятся балы. Но это всё совсем не означает, что ты обречена всю жизнь быть несчастной!

Вирея в изумлении подняла голову – это ей-то не нравятся балы? Мачеха ласково улыбнулась и в этот миг показалась такой доброй и понимающей, что глаза защипало. От попытки погладить себя по щеке Вирея отстранилась, но взгляд, полный сочувствия, цеплял и без прикосновения.

– ...Семья, девочка моя, это не тюрьма и не обуза, а самое первое счастье женщины. Это любовь, поддержка и принятие, сквозь все беды и недостатки. Это выбор, который мы делаем каждый день – сделать жизнь близкого человека немного лучше и принять, в свою очередь, его заботу, не боясь показаться слабой. – Вирея попыталась возразить, но дана Криста покачала головой. – Не спорь, я вижу, что ты сильная, и со всем справишься сама. И меня это восхищает, потому что я и сама такая. Когда погиб Даг, я...

Она на миг умолкла, опустила ресницы, и Вирея заставила себя качнуться назад, откинуться на спинку стула, отвести взгляд. А мачеха заговорила снова – о том, что после смерти первого супруга не представляла даже, что в её жизни когда-нибудь появится другой мужчина. Она всё делала сама: управляла домом, следила за семейными активами, воспитывала дочерей. Она носила чёрное и даже не мыслила о балах и повторном браке, как бы ни уговаривали её родные.

– Я не верила, что кто-то сможет заменить мне Дага, и тем более не верила, что женщина не может прожить без мужчины. Но когда я встретила твоего отца... Ты хорошо знаешь, что он не лишён недостатков. Однако никто до него не понимал меня так полно, не разделял мои чувства. Ему достаточно взгляда и нескольких слов, чтоб успокоить, и одного поцелуя с парой прикосновений, чтобы я буквально загорелась... – Дана Криста умолкла и смущённо кашлянула. – Прости, это слишком откровенно, а ты ещё так юна и, наверное, не представляешь...

Вирея сцепила пальцы в замок и уставилась на них. Слушать о романтике в отношениях отца и мачехи было неловко, даже щёки потеплели. Захотелось не то сбежать, не то напомнить, что дана Криста старше неё всего на десять лет, не то начать цитировать книгу «Поучения достойной жене», которая год за годом тайно кочевала по спальням воспитанниц пансиона.

Книгу время от времени изымали у разных девиц, обязательно с ужасным скандалом, но она так упорно возвращалась, что за этим явно стоял чей-то умысел. Поучения там действительно были, подробные и с картинками, так что Вирея всё же представляла.

Кстати, популярные любовные романы с полуголыми мужчинами и девицами в откровенных платьях на обложках тоже полагалось изымать, но за этим следили куда менее тщательно. А уж если история заканчивалась свадьбой и рождением детей, на наличие в тексте небольших вольностей могли и вовсе закрыть глаза, ведь семья – это первое счастье женщины, разве же нет?

Хотя кому-то придётся довольствоваться одними книжками.

– ...Я знаю, что твой отец очень любит моих девочек, хотя они ему и не родные. А я очень хотела бы сблизиться с тобой. И если дело в том, что ты боишься рожать сама, то далеко не все мужчины требуют от жены детей. А Лиорель мне говорил, что готов подождать, пока супруга не решит, что пора...

Вирея нахмурилась и подняла голову.

– Простите, я задумалась... Кто говорил?

– Мой племянник, – с терпеливой улыбкой повторила дана Криста. – Лиорель Йенро, он прибыл сегодня в свите принца. Мальчику давно пора жениться, и отец уговорил его приехать на бал. Сам он не любит подобные развлечения, и мне кажется, слишком серьёзно относится к выбору невесты. Но сложно ведь с кем-то познакомиться, если весь день сидишь в канцелярии, а свободное время проводишь с книгами? Его отец, кстати, министр связи, семья влиятельная и обеспеченная...

От вспыхнувшей вдруг злости стало жарко, к лицу прилила кровь, ладони сжались в кулаки. Мачеха продолжала говорить: «вы так друг другу подходите», «спокойный, ответственный, очень умный», «после свадьбы мы сможем видеться чаще», «я понимаю твои сомнения, но когда вы познакомитесь поближе...»

Рука дёрнулась будто сама собой, кулак ударил по столешнице. Дана Криста от неожиданности умолкла, зато Вирее мгновенная боль помогла сосредоточиться. Похоже, Риона предупреждала её именно об этом. Что же, она с удовольствием последует совету.

Она встала.

– Я не просила вас искать мне жениха, – проговорила она холодно, хотя внутри всё клокотало.

Дана Криста глянула снисходительно.

– Не стоит так резко реагировать, милая. Никто не заставляет тебя выходить замуж немедленно.

– Если бы я хотела замуж, – процедила Вирея, – я бы сама пошла на бал. Вы совершенно правы – никаких обвинений предъявлено не было. И разве закон запрещает быть дочерью ведьмы?

– Нет, – весело ответил от двери незнакомый мужской голос. – В законодательстве империи полно пробелов, но я вполне уверен, что подобного запрета никто из моих предков не вводил. Родителей мы, увы, не выбираем.

Дана Криста поспешно обернулась, ахнула и прижала ладонь к губам. Вирея прикусила щёку изнутри, жалея, что не может отмотать время назад и взять свои слова обратно. Молодой человек, вставший на пороге библиотеки, широко улыбнулся, явно довольный произведённым эффектом, стремительным шагом подошёл к стойке и уставился на Вирею с любопытством.

– Между прочим, в том, чтобы быть сыном императора, тоже есть свои минусы, – проговорил он, доверительно понизив голос. – Знали бы вы, как мне иногда хочется простого человеческого... Ну вот хотя бы зайти в библиотеку и почитать в тишине, без того, чтоб за мной немедленно отправилась толпа приспешников.

Он полуобернулся и широким жестом указал на вошедших следом за ним людей. Сидевший на его плече горноста́й решил, что по вытянутой руке не грех пробежаться, принц коротко рассмеялся и поймал зверя второй рукой.

Принц.

Его высочество принц Ивор, в библиотеке пансиона, так близко, что можно коснуться. Вирея узнала его, как только увидела, хотя на снимках он выглядел серьезнее. Сейчас же перед ней стоял мальчишка едва старше Рионы, долговязый, растрёпанный, с лицом не особенно красивым, но живым и подвижным.

– Что вы так смотрите, словно у меня за спиной Великий Змей из разрыва лезет? – он снова глянул через плечо, на сей раз с преувеличенной тревогой, и Вирея едва сдержала смехок. – Нам определённо не хватает закона, который запрещал бы таращиться на принца, как на привидение. Так чем же провинилась ваша матушка, что заслужила такие резкие слова?

Смеяться расхотелось. Вирея задержала дыхание, заталкивая поглубже фразу «не ваше собачье дело», потом скользнула взглядом по сопровождающим принца – есть ли среди них племянник даны Кристы? Что ж, если и нет, ему наверняка передадут.

– Моя мать, – произнесла она жёстко, – умерла от змеиной болезни.

Принц, к его чести, улыбаться перестал. Медленно провёл ладонью по волосам, приглаживая их, сдвинул брови и тут же сделался похожим на свои снимки.

– Прошу прощения, – произнёс он после паузы. – Мой вопрос был бестактным. Могу я узнать ваше имя?

Послать принца к Змею на рога было бы, пожалуй, тоже бестактно. А он, словно догадываясь о её желании, выпустил на стойку горноста́я. Зверёк сперва припал к полированному дереву, потом понял, что ему ничего не грозит, и принялся принюхиваться и осматриваться. Чёрные бусинки глаз уставились на Вирею с интересом, пушистый хвост свесился со стойки, почти коснувшись ладони, и раздражение слегка притихло.

– Вирея Дарру, – произнесла она неохотно. – А это моя мачеха, дана Криста Дарру.

Дана Криста поспешила сделать лёгкий реверанс. Вирея подумала, что ей тоже стоило бы, но какая теперь-то разница. Его высочество, впрочем, не обратил внимания на нарушение этикета, а на дану Крису глянул с интересом.

– Ага, значит, та самая Вирея. Рад знакомству. Дан Гэлхан, можно вас попросить...

Он обернулся, шагнул в сторону, давая кому-то дорогу. То, что он знал её имя, Вирея не понравилось – откуда бы? Но задать вопрос она не успела, потому что из-за спины принца вышла, опираясь на руку незнакомого мужчины в сером, Риона.

– Ваша сестра дурно себя чувствует, – проговорил мужчина негромко. – Кажется, она устала и слишком много времени провела на холоде.

Вирея хлопнула ладонью по кнопке, поспешно проскользнула в открывшийся в стойке проход и схватила Риону за руки. Та беспомощно улыбнулась бледными губами.

– Не переживай, я просто...

– Просто замёрзла и едва не простудилась, – неодобрительно произнёс принц, поглаживая горноста́я. – Вашему начальству, дана Вирея, стоит лучше присматривать за воспитанниками пансиона, мне бы не хотелось получить в жёны ледяную скульптуру. И это ведь ваша дочь, дана Криста? Отчего же вы не следите за её благополучием, а посылаете с поручениями?

Мачеха не нашлась с ответом, но Вирея было что сказать – и совсем не хотелось сдерживаться, потому что ладони у Рионы были ледяными, а лоб горячим.

– Ваше высочество не отличается пунктуальностью, – зло бросила она, укутывая плечи сестры собственной шалью. – Вас ждали с трёх часов, а вы прибыли к половине пятого!

– На улице ждали? – не поверил принц. – С трёх? Но позвольте – встреча с Матерью-Настоятельницей была запланирована на четыре! Зачем?

Вирея сердито дёрнула плечом.

– Уточните у моего начальства, – ядовито ответила она и нашла взглядом мачеху. – Ответьте её в лазарет, дана Криста, это на первом этаже. Я подойду, как только вернётся дана Оллина.

Дана Криста чуть помедлила – Вирее показалось, что она очень не хочет уходить, но тут вмешалась Риона.

– Идём, мама, я знаю, где это, – проговорила она слабым голосом.

Она шагнула к матери, покачнулась – принц, оказавшийся ближе всех, подхватил её под локоть. Риона улыбнулась ему, быстро и смущённо, и была в этот момент так очаровательно-несчастлива, что принц, кажется, смутился тоже, а Вирея невольно ощутила укол зависти. Вот сейчас кто-то скажет, что девушку надо проводить...

– Вам нужно сопровождение, – проговорил принц и обернулся. – Нет, дан Гэлхан, не вы, без вашего присмотра я начну творить глупости. А вот вы, Лиорель, хотели же побеседовать с тётушкой? Прекрасно, вот ваш шанс. И вы, Дэри – проследите, чтоб он не заблудился на обратном пути. Поторопитесь, пожалуйста, я не хочу, чтобы дана Риона совсем разболелась и пропустила бал.

Лиорелем оказался высокий блондин в тёмно-красном. Вирея следила, как он вежливо раскланивается с даной Кристой, берёт под руку Риону, интересуется её самочувствием. Принцу он не возразил ни словом, на лице отражалось лишь уместное участие, но разговор с мачехой не шёл из головы, а воображение подстёгивало тревожность и подозрительность. О каком поручении для Рионы говорил принц? Зачем вообще они все явились в библиотеку?

Двери закрылись, и Вирея неожиданно обнаружила, что стоит в окружении семерых незнакомых мужчин. На миг она растерялась, но тут же заставила себя успокоиться. Подумаешь, принц со свитой пришёл в библиотеку. Он тоже человек, он наверняка умеет читать...

Какая чушь лезет в голову.

Вирея спокойно вернулась за стойку с намерением быть приветливой, но тут же выяснилось, что горноста́й успел спрыгнуть на рабочий стол, раскидать карандаши из подставки и пробежаться по клавиатуре терминала, а потом испугался её вскрика и свалился в корзину для мусора, чудом не зацепив стоявшую на краю коробку с моделями накопителей. Коробку Вирея успела перехватить и отодвинуть, а вот корзину питомец принца всё же уронил, рассыпав скомканные листы бумаги и рванул прочь.

К шкафам с книгами.

Вирея ахнула и попыталась броситься следом, но её поймали за руку.

– Ваше высочество, – произнёс за её спиной очень спокойный голос, – позовите зверя.

– Там же книги, – беспомощно добавила Вирея, следя за скачущей по полкам белой молнией.

Принц перегнулся через стойку, наблюдая за питомцем с хищным интересом.

– Да ничего не будет вашим книгам, – отмахнулся он. – Горноста́й не крыса, у него нет привычки грызть всякую дрянь.

– У него есть когти, и, кажется, случай с даном Ансельмом ничему вас не научил. Если вы не справляетесь со зверем, нам, возможно, нужна клетка. Или ещё один духовник?

Горноста́й на полке вдруг замер, покрутил головой – и бросился к хозяину так стремительно, что Вирея едва не зажмурилась. Но на сей раз зверушка была аккуратна, и спустя несколько секунд уже сидела на руках принца.

– Вы преувеличиваете, – буркнул тот, поглаживая питомца. – И отпустите девушку, она точно никуда не бежит. Позвольте представить, дана Вирея – Гэлхан Сорро, мой надзиратель... Простите, духовный наставник.

Пальцы на плече разжались, и Вирея наконец смогла обернуться. Духовником принца оказался мужчина в сером, что привёл Риону. Он поймал её взгляд и улыбнулся самыми угол-

ками губ. Серебристо-серые волосы добавляли ему возраста, но вблизи Гэлхан Сорро выглядел лишь немного старше даны Кристи.

– Прошу прощения за невольную грубость, – он наклонил голову. – Горностай не любит шума и резких движений, если бы вы бросились его ловить, он мог атаковать, а когти у него преострые. Ваше высочество, позвольте напомнить, что вы планировали найти материал для письменной работы.

Его высочество сморщило нос.

– Позвольте в свою очередь напомнить вам, что это, – принц посадил на плечо пойманную зверушку, – не «он», а «она». И надо уже дать ей имя... Кстати, а как на самом деле звали Чёрную Княжну?

– Горана.

Вирея произнесла имя в один голос с духовником принца и тут же смутилась и одновременно ощутила досаду. Вопрос его высочества не говорил о забывчивости: из официальных учебников имена магов убрали давным-давно, оставив лишь прозвища – меньше человеческого, меньше сочувствия к врагам империи. Книги с подробностями имелись только в специализированных архивах и крупных библиотеках, и даже там их потихоньку заменяли отцензуренными экземплярами.

Библиотека Ордена Исцеляющей длани была одной из крупнейших.

Гэлхан снова слегка улыбнулся, словно названное имя было паролем для своих.

– Я преподавал историю десять лет, а изучал – ещё дольше, – пояснил он, не дожидаясь вопроса. – А вы?

– Просто люблю читать, – бесстрастно отозвалась Вирея. – Вам нужна книга об истории резиденции, ваше высочество?

– Мне нужно имя вот для этой девицы, – хмыкнул принц, поглаживая зверушку кончиками пальцев. – Горана... А что, вполне. Боевая ярость и разрушительная сила соответствующая, хотя цвет и подкачал.

Духовник глянул на него укоризненно.

– Не думаю, что это хороший выбор. Если позволите...

– Не позволю, – легкомысленно отмахнулся принц. Он поставил локти на стойку и подпер кулаком подбородок, улыбнулся широко и радостно, снова потеряв схожесть с официальными портретами. – Но книжку тоже дайте, если я буду читать сам, меня не станут изводить лекциями. Кстати, уважаемые даны, – он обернулся к своим спутникам, не решившимся встревать в разговор, – весьма рекомендую этот метод. Дан Ансельм тоже не цепляется к людям, которые хотя бы притворяются, что заняты делом.

Вникать в сложные взаимоотношения императорского наследника и его свиты Вирея не захотела. Выдала принцу монографию столичного профессора о событиях, происходивших в резиденции в первые годы после Катастрофы (отцензуренное издание для студентов высших учебных заведений), нашла для его спутников два поэтических сборника и художественный роман. К счастью, заполнять бланки читательских билетов ей не пришлось, вернулась дана Оллина и всё оформила сама, многословно благодаря Вирею за помощь с базой и расхваливая её перед гостями: «Такая умненькая, старательная, вежливая, всё с пониманием, всегда поможет, слова грубого никому не скажет никогда!»

– Замечательная девушка, – с энтузиазмом согласился принц, ставя размашистую подпись в бланке. – Дана Вирея, мы ведь увидим вас на балу? Я допустил бестактность и хотел бы загладить свою вину танцем. Вы же любите танцевать? Все девушки любят, я знаю!

Он прямо-таки светился доброжелательностью. Вирея не сразу нашлась с ответом – разъяснять все нюансы своего положения не хотелось, а говорить, что её зарплаты в пансионе не хватает на бальное платье, было просто стыдно.

– Я не держу на вас обиды, – проговорила она осторожно. – Танцевать мне нравится, но я не хотела бы отвлекать внимание вашего высочества от выбора невесты.

«Это точно буду не я», – вслух она этого не сказала, но он, кажется, понял.

И, кажется, обиделся сам.

– Ну что ж, – вздохнул он, – это и к лучшему, танцор я посредственный. Но тут со мной полтора десятка неженатых друзей – у вас тоже есть возможность сделать выбор по вкусу! Дан Гэлхан, а вы ведь не откажетесь от танца с данной Виреей? Вы обещали подавать мне пример, я помню! Вам обоим нравится история, уже есть тема, которую можно обсудить, – он помахал книгой. – А там, может, ещё найдутся общие интересы. Что скажете?

Вирея невольно встретила взглядом с Гэлханом и поняла, что кое-что общее у них действительно есть.

Прямо сейчас им обоим хотелось, чтоб его высочество заткнулся.

Глава 5. Предложение и платье

Гэлхан не собирался шпионить. Всё вышло случайно: принц на обратном пути подобрал на лестнице шпильку с бусиной-цветком, предположительно принадлежавшую Рионе, кто-то должен был её вернуть, и повод остаться в одиночестве хотя бы ненадолго оказался таким соблазнительным, что удержаться не вышло. Был, конечно, императорский приказ, но что может случиться с наследником среди толпы телохранителей, слуг и приятелей?

Всё что угодно, разумеется – но не в ближайший час. Да и вряд ли от присутствия одного жреца что-то изменилось бы.

На лестнице он ненадолго задержался: просто встал у окна, глядя, как в свете фонарей несутся подгоняемые ветром снежинки. Пальцы сами собой начали перебирать чётки, в голове всплыли слова молитвы о душевном спокойствии, и Гэлхан позволил себе несколько минут стоять в тишине и ни о чем постороннем не думать. Знакомые фразы в воображении свивались в круги и спирали, сложным узором тянулись вверх, выплывали наружу, в метель, смешивались со снежинками и летели ещё выше, к самому небесному своду – прямо сейчас вполне уместно было представлять его хрустальным, твёрдым и звонким, как в древних мифах. Каждое слетевшее с его губ слово вплеталось в этот хрусталь, делая его прочнее, наполняя сиянием. А за сводом кружились на невидимых нитях планеты и звёзды, проворачивались прозрачные ледяные шестерни, распрямлялись и тут же сжимались пружины, двигались стрелки, звенели колокола – открой сердце их мелодии и уловишь частицу замысла Творца...

Как можно подслушивать, когда внутри тебя поют небесные колокола?

Очень спокойно и с ощущением гармонии в душе.

Чужое присутствие в тёмном коридоре перед лазаретом Гэлхан ощутил слишком поздно – одновременно с тем, как услышал за спиной стук каблуков. Его собственные ботинки ступали бесшумно, шёл он вдоль стены, и для того чтобы остаться незамеченным нужно было лишь шагнуть в сторону и скрыться за драпировкой, обрамляющей нишу с неразличимой в темноте статуей. Не самое достойное поведение, но тот, кто стоял у двери, тоже прятался – а обязанностей по распутыванию заговора с Гэлхана никто не снимал.

Лиорель, впрочем, явился сюда не с политическими целями.

– Вы не слишком-то торопились к больной сестре, – с ноткой укоризны проговорил он. Тусклая лампа над дверью лазарета осветила его лицо – высокие скулы, волевой подбородок, нос с небольшой горбинкой. Глаза, на удивление тёмные для блондина, остались в тени, зато на плечах и груди то и дело вспыхивали красные искорки – среди столичной молодёжи в моду вошла вышивка бисером по ткани того же цвета.

Вирея скользнула по нему равнодушным взглядом и не ответила. Гэлхану показалось, что она устала, но присмотреться он не успел, девушка прошла мимо и остановилась спиной к нему – Лиорель шагнул к двери, заступая ей дорогу, и искорки побежали вниз по длинному жилету и рукавам рубашки.

– Подождите, пожалуйста. Я не хотел вас обидеть. Риона сейчас спит, ей дали комплексную микстуру против простуды. Целительница просила её не беспокоить, ничего страшного не случилось, просто нужно пару дней отдохнуть. Не переживайте, с ней всё будет хорошо.

До Гэлхана донёсся облегчённый вздох.

– Риона очень легко простужается, – сказала Вирея. Голос у неё был низкий и хриловатый. – Спасибо, что проводили её.

Лиорель пожал плечами, запустив новую волну искр.

– Она ведь всё-таки и моя сестра, – проговорил он. – Возможно, ей не стоило бы идти на бал. Лишняя физическая нагрузка, да и платье это... Тётушка показывала мне снимки, в чём-то это красиво, но я и не подозревал, что в резиденции Исцеляющей длани девушки позволяют

себе настолько открытую одежду. Да и сквозняки, увы, лишены чувства прекрасного. – Он улыбнулся, сделал паузу, но никакой реакции на шутку не дождался и снова стал серьёзным. – Я рад, что вы, как и я, предпочитаете проводить время иначе.

Повисла тишина. Гэлхан уловил напряжение в воздухе и успел поставить ментальный блок до того, как от Виреи плеснуло чистой яростью. Чужие эмоции ударили в защиту и почти тут же схлынули, оставив ощущение тайны – не самой приятной, но, возможно, полезной.

– Вы, – произнесла девушка медленно и очень спокойно, – рады?

Лиорель слегка наклонил голову вправо.

– Тётушка много мне о вас рассказывала, и её мнение для меня ценно. Но я предпочитаю личное общение в ситуации, когда мне предстоит выбор спутницы жизни. Ваши шансы довольно высоки, и я надеюсь, что до бала – и вместо бала, – у нас будет время, чтобы лучше узнать друг друга.

– А если я не захочу вас узнавать?

Ответом ей был удивлённый взгляд – а потом Лиорель негромко рассмеялся.

– Дана Вирея, мы взрослые люди. Позвольте, я буду говорить откровенно. Девочки вроде Рионы ещё могут мечтать о великой и волшебной любви, даже мальчишкам из свиты его высокого статуса это ещё прилично, но вы уже должны понимать, что брак – в первую очередь расчёт.

– Вы просчитались, – бросила Вирея. – Не знаю, что именно говорила вам дана Криста, но на бал я не иду просто потому, что у меня нет денег на платье.

Её эмоции снова хлестнули плетью, к ярости добавилось отчаяние. Гэлхан вжался в стену, прикрыл глаза и помассировал виски. Он видел эту девушку второй раз в жизни, и по хорошему ему не должно быть никакого дела ни до её семейных драм, ни до её личной жизни. Захотелось плюнуть на всё и вернуться в монастырь – как просто быть эмпатом среди людей, которые не позволяют себе буйства чувств по малейшему поводу!

Но это было бы слабостью, недостойной жреца второй ступени посвящения.

Из-за драпировки донёсся короткий смешок.

– Когда вы станете моей женой, у вас будут любые платья. Разумеется, фасоны должны быть в рамках приличий, но вы и не похожи на легкомысленную девицу, которая станет оголять ноги и грудь ради привлечения внимания.

– «Когда»? – переспросила Вирея. – Не «если»? Вы крайне самоуверенны.

– Я логичен. Вы красивы, достаточно молоды, производите впечатление неглупой особы. Вас заочно одобрили мои родственники – тётушка не скупилась на похвалы, даже отец заинтересовался. Мне нравится ваше желание сэкономить деньги на такой бесполезной, в сущности, вещи, как бальное платье, в пансионе это и впрямь не важно. Хотя в будущем вам всё же придётся подумать о расширении гардероба, внешность жены – это часть моей репутации. О финансовом состоянии вашей семьи и размерах приданого я осведомлён, и меня всё устраивает. Что же касается наследственных рисков, то, думаю, мы вполне можем обойтись и без детей, в конце концов...

– Не смейте, – перебила Вирея. Её голос дрожал. – Не смейте говорить обо мне так, словно выбираете корову на ярмарке!

Лиорель усмехнулся. Гэлхан открыл глаза, подался к щели между портьерами, убедился, что собеседники смотрят друг на друга, и осторожно двинулся к началу коридора, стараясь прижиматься к стене плотнее.

– Я могу точно так же оценить и себя. Я тоже молод, здоров и достаточно хорош собой, чтобы вызывать интерес у женщин. У меня влиятельная семья. Я не единственный наследник, и даже не старший сын, но я уже управляю частью имущества, которое отойдёт мне после смерти отца, и оно приносит прибыль. Моя должность в министерстве пока не особенно значительна, но это вопрос времени. И я лишён предрассудков относительно инициированных, что для вас, как я полагаю, важно.

Что ответила Вирея, Гэлхан уже не слышал. Он добрался до поворота, глубоко вздохнул, обновил ментальный блок и двинулся назад, на сей раз стараясь, чтобы его заметили издали.

Но до него никому не было дела.

– ...неожиданно, и вы, конечно, можете подумать, – говорил Лиорель. – Но мне осталось пробыть здесь всего два дня, а конкурентов много, и поэтому я говорю о своих намерениях сейчас.

– Мне не интересны ваши намерения. Но хорошо, что мы разобрались с этим сейчас, и у вас есть целых два дня на выбор другой кандидатуры в супруги, – процедила Вирея, развернувшись и встретившись взглядом с Гэлханом.

На сей раз ментальный блок устоял. Гэлхан вежливо улыбнулся, хотя девушка выглядела так, словно готова была проклясть любого, кто попадётся под руку. Ведьмой она не была, но даже люди с минимальным уровнем дара в моменты сильного напряжения могли выдать слабую энергетическую волну, зачастую сами о том не подозревая.

– Доброго вечера, дана Вирея, – произнёс он ровно. – Его высочество просил передать вашей сестре вот это. Это ведь она потеряла?

Он протянул на раскрытой ладони шпильку. Вирея глянула растерянно, но быстро взяла себя в руки.

– Благодарю.

Шпильку она взяла самыми кончиками пальцев – Гэлхану показалось, что ей тоже не хочется даже крошечного физического контакта. Это было к лучшему.

– Дан Лиорель, – окликнул он, – дан Ансельм просил напомнить вам, что никого не допустит к ужину без предварительной молитвы. Поторопитесь.

В последнее слово он вложил немного силы, отчего голос слегка завибрировал. В горле тут же запершило, и пришло ощущение покалывания под черепом, словно мозг норовил сжаться. Зато Лиорель не стал возражать, лишь хмуро глянул исподлобья, вежливо кивнул Вирее и молча двинулся к лестнице.

Гэлхан проводил его взглядом. Он надеялся, что Вирея уйдёт в лазарет, и можно будет спокойно вернуться к принцу. Но она всё ещё стояла рядом, словно тоже хотела убедиться, что нежеланный кавалер точно убрался. Отголоски её злости, растерянности и страха бились в блок, и молчать дальше было бы, пожалуй, невежливо.

– Я могу сделать так, чтобы он больше вам не докучал.

Сказал – и мысленно скривился: лезть в проблемы едва знакомой девушки было глупо, а ещё глупее – показывать, что он об этих проблемах осведомлён. Принуждение к браку законами империи не одобрялось, но Вирея имела полное право если и не проклясть нежеланного советчика, то послать к Змею вместе с неудавшимся женихом.

Она негромко вздохнула.

– Вы маг? Я думала, инициированные есть только у чёрно-красных.

Гэлхан обернулся. Вирея на своих каблуках почти не уступала ему в росте, она смотрела прямо и требовательно, а глаза её в полумраке казались почти чёрными. Он пожал плечами и сдвинул рукав, демонстрируя отсутствие чешуи.

– Я интуит. Восьмой уровень.

Вирея коротко глянула на его запястье, медленно кивнула и сделала шаг назад, крошечный, но стало досадно. Уровни дара с первого по четвёртый почти никак себя не проявляли, только чуть шире становились энергетические меридианы в ауре. Людей с уровнем выше четвёртого называли интуитами, и было их не так уж много, один человек на тысячу. С пятого по седьмой начинали проявляться дополнительные способности, в основном касающиеся управления внутренней энергией тела. На восьмом-девятом просыпалось умение видеть чужие ауры и ощущать эмоции, и тут уже нужно было закрываться, необученному эмпату приходилось

несладко. Десятый уровень был последним перед инициацией, и у тех, кто до него дорос, открывались совершенно уникальные таланты, уже почти маги, но ещё без чешуи.

Интуиты не могли швыряться огнём или вызывать ураганы. Но большинство предпочитало держаться от них на расстоянии – а впрочем, он сам только что доказал, что не зря.

Гэлхан одновременно желал повышения уровня и боялся его. Было бы славно одним взглядом выявлять потенциальных убийц до того, как они совершат своё чёрное дело, а вот попасть в спецбольницу Карающего пламени ему совсем не хотелось. Увы, те крохи магии, что ему достались, выглядели даже не проклятием Великого Змея, а его насмешкой. Что толку, к примеру, от умения чувствовать, что в соседнем помещении лежит мертвец, если находишься в храме, а церемония прощания начнётся через десять минут? Чем поможет способность определить время его смерти? Посмертные обрывки ауры Гэлхан предпочёл бы не видеть вовсе, и хорошо, что тёмное марево над гробом развеивалось без следа в ходе традиционных обрядов, да и просто от горсти мелкой соли.

А ещё он не хотел бы снова видеть, как кожа ещё живого человека покрывается тёмными пятнами, похожими на плесень. Но именно за редчайшую способность определять приближение смерти, наставник привёл его к Патриарху Ордена Серебряного древа, тот – к императору, а император...

Император доверил ему самое ценное, что у него было. И от этого доверия становилось жутко и холодно, и никакие молитвы не спасали от мысли, что вот прямо сейчас невидимая никому другому плесень потихоньку прорастает на теле Ивора.

Буро-зелёная – опасность рядом, но её ещё можно избежать.

Красно-коричневая – шанс есть, но крошечный.

Чёрная – человек обречён.

На руках и лице Владияра Второго плесень появлялась, исчезала, возвращалась снова, меняла цвет, словно смерть не могла определиться. Когда Гэлхан сказал об этом, он улыбнулся.

И велел уезжать немедленно.

Вирея, однако, всего этого не знала – и, как выяснилось, опасалась другого.

– Он станет на вас жаловаться? Это ведь было ментальное воздействие?

Гэлхан поспешно отогнал опасные мысли и покачал головой.

– Не совсем так. Обученный интуит может слегка прикоснуться к чужой ауре и поделиться нужной эмоцией или вызвать желание – например, не спорить и уйти, чтобы не выдать посторонним своих секретов. Для этого чаще всего нужен физический контакт, но бывает достаточно и зрительного. Впрочем, от таких воздействий защищает простейший ментальный блок.

Она нахмурилась.

– Разве интуитов обучают?

– Очень редко, – признал Гэлхан. – Какие-то секреты передаются внутри семей, в Ордах учат серьёзнее, но только своих. Кстати, на эффекте резонанса аур построен знаменитый ритуал Утренней благодарности, я читал описания и надеюсь, что завтра нам удастся в нём поучаствовать. – Он немного помедлил и всё-таки добавил: – Мне показалось, что именно сейчас вам не хочется более общаться с даном Лиорелем. Простите, это не моё дело...

Вирея поджала губы и отвела взгляд, явно не желая посвящать в свои переживания кого попало.

– Я рада, что он ушёл, – проговорила она наконец. – Но это действительно не ваше дело. Простите, мне нужно навестить сестру. Спасибо за шпильку и... Спасибо.

Гэлхан молча наклонил голову, следя из-под ресниц, как она разворачивается, идёт к двери, кладёт ладонь на ручку. Перед тем как шагнуть внутрь, Вирея обернулась, на мгновение поймала его взгляд и вдруг улыбнулась, быстро и смущённо, отчего внутри шевельнулось непривычное чувство, для которого Гэлхан уже много лет не видел места в своей жизни.

Когда ему в последний раз нравилась девушка?

Очень, очень давно. И сейчас совсем не время давать волю эмоциям, а лучше всего поскорее вернуться.

Тем более что дану Ансельму совершенно наплевать, кого именно оставлять без ужина.

– Я не понимаю, чего он хочет, – пожаловалась Вирея.

Она прикрыла глаза, легонько помассировала веки, потом точки над бровями, виски. Ночью она плохо спала, и сейчас голова казалась набитой снегом, холодным, комковатым и скрипучим. Встреча с даной Кристой после завтрака самочувствия не улучшила: бедняжку Лиореля так расстроил отказ, что он прямо с утра побежал жаловаться тётушке. Нет, она не ругалась. Просто очень грустно смотрела, вслух сочувствовала «несчастному мальчику, который так одинок», вздыхала о репутации Рионы, об отце, которому пошли бы на пользу связи семьи Йенро. А ещё норовила взять за руку, и после разговора с духовником принца о способностях интуитов это выглядело подозрительно. Вирея понятия не имела, каким уровнем дара обладает мачеха, но мысль, что ей могут передать нужное настроение, пугала, заставляя уворачиваться от прикосновений и отводить взгляд.

Дана Ниври, несомненно по просьбе даны Кристи, выделила Вирее два часа «на отдых и общение с больной сестрой». Увы, под дверью лазарета снова обнаружился Лиорель – Вирея заметила его издали и поспешно свернула в другой коридор, а потом вовсе сбежала на соседний остров.

Алтина, её лучшая и единственная подруга, пожала плечами под пушистой белой шалью и принялась накручивать на палец выбившуюся из пучка пепельную прядь – волосы у неё были пышные, кудрявые и в причёски собирались плохо. Ей недавно исполнилось тридцать три, она была пухленькой, активной и отвечала за раздел медицинской литературы в главной орденовской библиотеке, а ещё работала в госпитале четыре дня в неделю и учила воспитанниц пансионата оказывать первую помощь. Личного кабинета жрице третьей ступени пока не полагалось, только уголок у окна, отгороженный шкафами так хитро, что обычные посетители библиотеки ни за что не нашли бы. Тут помещался лишь небольшой стол, на котором в образцовом порядке были разложены документы, да пара стульев. На широком подоконнике среди цветущих цикламенов и фиалок устроился поднос с чашками и пузатым чайником, расписанным розами.

– Очевидно, он хочет на тебе жениться. Несмотря на твой отказ, на твой, уж прости, не юный возраст, на приданое... Что с ним, кстати?

Вирея вздохнула.

– Мамины фермы, которые почти не приносят дохода. И что-то из недвижимости, но отец уверяет, что всё это требует слишком много вложений, и проще будет продать.

– Почему же не продали?

– Я не... – Вирея осеклась, нахмурилась. – Кажется, мама в завещании запретила. Там было что-то насчёт того, что я смогу распоряжаться имуществом, когда мне исполнится двадцать пять, или когда выйду замуж.

– А кто распоряжается сейчас?

Снег в голове закрипел особенно противно. Вирея сжала виски ладонями.

– Моей долей – отец, но он сам почти не вникает, только назначает управляющих. Ещё часть принадлежит дяде.

– Ты давно с ним общалась?

Очень давно, с внезапным испугом поняла Вирея. На похоронах мамы. Потом она уехала в пансион, доучиваться, и в первый год ещё отправляла родственникам письма...

Потом отец женился.

Когда в её голове поселилась мысль, что у дяди большая семья, племянница с порченной кровью ему не слишком-то интересна, и лучше не навязываться, не заставлять хороших людей себя стыдиться?

Алтина мягко улыбнулась и погладила её по руке, а потом сняла с запястья личный браслет-коммуникатор.

– Позвони ему. Сейчас. Пока не убедила себя в ещё какой-нибудь глупости.

Номера Вирея, конечно, не помнила. Но Алтина отыскала в сети страницу агрокомплекса «Белый лепесток», и пока она листала разделы в поисках контактов руководства, на голографическом экране сменялись изображения: яблони, усыпанные плодами, поля с пасущимися коровами, зреющие в кладовых сыры, видеоролик о новейших технологиях, которые используются при обработке молока...

Это всё не было похоже на захудалую ферму без прибыли. Конечно, красивые картинки ещё ничего не доказывали, но внутри крепло ощущение, что все эти годы её обманывали, а она верила и даже не пыталась задавать вопросы. Неужели дана Криста в самом деле могла на неё влиять?

На звонок ответил секретарь, сообщивший, что дан директор сейчас занят, однако имя передать согласился. Буквально через три минуты на экране появилось лицо дядюшки.

– Ви, девочка моя! – воскликнул он, плюхаясь на опасно заскрипевший стул. – Ну наконец-то!

Вирея невольно улыбнулась: с момента, когда она видела дядю Роя в последний раз, он ещё больше округлился, а его рыжая кудрявая борода стала пышнее. Но радовался ей он точно так же, как и прежде, и от облегчения даже в глазах защипало, а в горле встал комок. К счастью, дядюшке пока не требовались её ответы: он восторгался тем, как она повзрослела и похорошела, сетовал, что ужасно соскучился, приглашал в гости, да хотя бы и прямо сейчас, и тётя будет рада, и двоюродные братья тоже. И они все так переживали, когда отец сказал, что она подумывает уйти в монастырь, конечно, это её право и её решение, но так жаль, что ей не позволяли общаться с родными, и как хорошо, что она всё же передумала и решилась выйти замуж!..

– На свадьбу-то, надеюсь, пригласишь? Отец твой что-то там говорил про скромную церемонию, но уж родного-то дядю как не позвать!

В голове зазвенело эхо: «в монастырь», «не позволяли общаться», «скромная церемония». Вирея беспомощно хлопала глазами, пока Алтина не толкнула её в бок, заставив взять себя в руки.

– Если всё-таки соберусь замуж, приглашу непременно, – произнесла Вирея медленно. – Но сейчас папа... Поторопился.

Густые рыжие брови дяди Роя сдвинулись, между ними возникла глубокая складка.

– Поторопился? – переспросил он. – А говорил так, словно дело решённое... Ты что же, поссорилась с женихом?

Вирея стиснула зубы, запирая слова, которые ей и знать-то было неприлично.

– У меня нет жениха, дядя. Дана Криста пыталась познакомить меня с племянником, но он мне совсем не понравился. – Она понаблюдала, как лицо дяди мрачнеет с каждым её словом, и осторожно добавила: – Она уверяет, что мне нужен богатый жених, потому что отцу меня содержать было бы сложно.

Дядюшка вдруг стукнул по столу кулаком так, что экран подпрыгнул.

– Вот ведь лиса!.. Вот ведь...

Разных интересных слов дядя знал куда больше. Вирея отстранённо подумала, что ей стоило бы смутиться, но внутри поднималась злость. Выругавшись, дядя коротко и чётко объяснил: доход с агрокомплекса в этом году превысил предыдущий год в полтора раза. Марка «Белый лепесток» среди производителей сыров считается элитной, и уже три года берёт при-

зовые места на ярмарках, а творог, а кефир, а пастила!.. Вся прибыль с доли, принадлежащей Вирее, уходит на счёт, которым распоряжается отец, но если этот змеев сын вместо того чтобы позаботиться о родной дочери, все деньги тратит невесть на что, то дядюшка вот прямо сейчас бросит все дела, возьмёт билет на поезд и вручную поправит ему мозги!

От последнего дядю пришлось отговаривать, он ведь и впрямь мог приехать, а Вирее хотелось бы сперва выяснить побольше, чтобы предъявлять конкретные обвинения. А ещё ей было важно присутствовать при разговоре лично.

– И правильно, – одобрил дядя, всё ещё хмурясь. – Пора самой за себя решать, уже большая девочка. Но раз так, замуж за этого племянничка даже не думай. Сперва все бумаги посмотришь, а там уже сообразишь, что делать.

Дядя пообещал сегодня же прислать копии всех документов и велел Вирее непременно звонить, если кто вздумает её обижать: «Сам не приеду – парней своих пришлю!» Сыновей у дяди имелось аж пятеро, и это была весомая угроза. Жаль, что они не смогут посетить бал, чтоб составить конкуренцию принцу и его приятелям.

И ещё больше жаль, что она сама не сможет пойти на бал, и чтобы наряд по последней моде – такой, чтобы гарантированно отпугнуть Лиореля с его представлениями о приличиях.

– А с этим я могу помочь, – хитро улыбнулась Алтина, когда Вирея пожаловалась вслух. – Подожди, у меня есть кое-что подходящее.

«Кое-что» оказалось платьем.

– Святое небо, – пробормотала Вирея, осторожно проводя ладонью по серебристому атласу. – Это прекрасно, но... Откуда?

Алтина печально улыбнулась.

– Это моё, свадебное. Мне разрешили его сохранить, когда...

Она поджала задрожавшие губы, но тут же попыталась снова улыбнуться. Вирея уже знала, что подруга ушла в монастырь после гибели мужа и двухлетнего сына в автокатастрофе. Через три года она вступила в Орден Исцеляющей длани, приняла посвящение и сменила тёмно-синее платье монахини на бело-голубое одеяние жрицы – решила, что так она, как дипломированный врач, сможет принести больше пользы.

– Вышивка до сих пор как новая, – проговорила Алтина, проводя кончиками пальцев по узору из серебристых нитей, перламутровых бусинок и кусочков белого меха. – Жемчуг, конечно, искусственный, да и мех уже не в моде, но к зимнему балу, я думаю, подойдёт. Примерь-ка, мы одного роста...

Платье и в самом деле оказалось почти впору, разве что немного велико: шнуровку в талии пришлось затянуть потуже. На балу в прошлом году Вирея видела наряды с открытыми плечами и спиной, платье Алтины выглядело куда скромнее. Хотя вырез был хорош, и грудь, приподнятая корсетом, смотрелась так, что у неё самой теплели щёки. Но желание сделать назло Лиорелю и его тётушке пересилило лишнюю скромность.

– Отвадишь этого жениха и тут же найдёшь нового, – одобрительно усмехнулась Алтина. – Хотя бы фиктивного, до совершеннолетия. Тебе ведь через месяц двадцать пять?

Вирея кивнула. Большого зеркала в библиотеке не было, а в маленьком разглядеть себя целиком не удавалось. Но ощущение неожиданного зимнего чуда звенело внутри, заставляя улыбаться и чувствовать себя – впервые за шесть лет, – невероятно красивой. Подходящие туфли у неё есть, с причёской Алтина обещала помочь, вот только...

– Сюда бы колечко, – подруга коснулась её шеи. – Да с бриллиантами.

Вирея грустно усмехнулась и кивнула. Длинные рукава позволяли обойтись без браслетов, волосы можно было уложить так, чтобы скрыть отсутствие серёг, а вот шея оставалась открытой.

– Нужен жемчуг, – проскрипел голос за спиной. – Княжеский жемчуг, чёрный жемчуг, из тёмных глубин да на белый свет, от чёрной души да к чистым слезам, так и побелеет, так и вернётся, так и смерти избежит, а от судьбы не уйдёт...

Вирея вздрогнула, обернулась. Перед ней стояла старуха в тёмно-синем монашеском одеянии, невысокая и сгорбленная. Из-под глубокого капюшона на тощую грудь ниспадали длинные седые волосы, на лице лежала тень, пальцы сложенных перед грудью ладоней непрестанно шевелились.

– Матушка Шания, – Алтина почтительно наклонила голову и обеими руками начертила в воздухе традиционный трилистник. – Да будет ваш день светлым.

Старуха в ответ на приветствие дёрнула плечом, продолжая бормотать что-то на пределе слышимости. Блаженная Шания жила при монастыре очень давно, но Вирея впервые видела её так близко. В пансион она не приходила никогда, но другие острова резиденции посещала свободно, появляясь в самых неожиданных местах. Кто-то считал её ведьмой, кто-то – почти святой, туристы верили, что увидеть её во время экскурсии – к большой удаче, а самые смелые девчонки из пансиона нарочно приходили к главному храму резиденции, веря, что Блаженная Шания за монетку или подарок может нашептать правильный ответ прямо во время экзамена, назвать имя будущего жениха или предсказать день смерти.

Вирея скомкано поздоровалась и поклонилась. Старуха умолкла, покашляла, а потом протянула руку с длинными скрученными пальцами.

– Тебе, – заявила она категорично. – Чёрная кровь, светлая душа. Тебе.

На раскрытой ладони лежал кулон на цепочке: крупная чёрная жемчужина и две белые поменьше, в обрамлении чёрно-белого меха и тонких серебряных завитков. К платью кулон подходил идеально, но Вирея представляла себе, сколько стоит чёрный жемчуг, и растерялась.

– Возьми, – прошипела в самое ухо Алтина. – Матушке Шании нельзя отказывать!

– Возьми, – эхом повторила старуха. – Счастлива будешь, глупая!

Подарок пришлось принять. В первый миг серебро показалось Вирее ледяным, но кулон тут же нагрелся и словно потяжелел. Алтина помогла ей застегнуть цепочку – в вырезе платья кулон смотрелся так, будто нарочно был для него создан.

– Красивая, – удовлетворённо проскрипела Шания. – Счастлива будешь!

Вирея обернулась к ней, чтобы поблагодарить, но старуха уже ловко протиснулась в узкий проход между шкафами и скрылась из виду.

– Я ведь должна что-то подарить ей в ответ? Откуда у неё вообще такой кулон?

Алтина пожала плечами и предположила:

– Наверное, от кого-то из туристов. Она ничего не оставляет себе. Будет хорошо, если ты тоже что-то ей отдашь при следующей встрече, может быть, и твоя вещь тоже кому-то пригодится. Но смотрится идеально, правда же?

Спорить было сложно. Эти жемчужины шли ей куда больше, чем розовые из маминого комплекта, их совсем не хотелось снимать, и Вирея, поколебавшись, просто спрятала кулон под блузку. С платьем пришлось временно расстаться – его предстояло немного ушить к завтрашнему вечеру, и Алтина заявила, что займётся этим сама. Вирее же пора было возвращаться к обязанностям секретаря и надеяться, что в них не включают непременно свидание с Лиорелем.

– Пригрози, что пожалуешься на него дяде, – предложила Алтина, когда вышла провожать подругу. – А если ещё и фото покажешь, он точно впечатлится.

Ответить Вирея не успела: в главные двери библиотеки как раз входил принц со свитой. Рядом шли три жрицы высоких ступеней посвящения, запланированная экскурсия была в самом разгаре. Лиорель тоже шёл в толпе, и Вирея подавила недостойное желание спрятаться за подругу, чтобы он её не заметил. Вместо этого она выпрямила спину, отвернулась и неожиданно встретилась глазами с идущим позади всех Гэлханом. Просто взгляд, короткая улыбка, вежливый кивок – но щёки вдруг потеплели и тоже захотелось улыбаться.

– Ах да, – усмехнулась чересчур внимательная подруга. – У тебя, кажется, уже есть защитник. А завтра понадобится ещё и партнёр для танцев. Кстати, жрецам его ордена положено иметь жену.

Вирея глянула на неё возмущенно. Ужасно хотелось сказать, что никакой жених ей не нужен, и вообще по возрасту и увлечениям Гэлхан больше подходит самой Алтине, но это было бы грубо – она прекрасно знала, что подруга дала обет безбрачия. С другой стороны, ей действительно придётся завтра танцевать, и Гэлхан в качестве партнёра ей нравился куда больше Лиореля.

А если что – на него тоже можно будет пожаловаться дядюшке.

Глава 6. Разум и чувства

Поговорить с Рионой до бала так и не удалось: дана Криста забрала дочь из лазарета в свою гостевую комнату под предлогом, что девочке нужна забота, а старшая сестра занята. Вроде бы всё логично, но Вирею не оставляло ощущение, что от неё нарочно прячут человека, который мог рассказать что-то интересное о потенциальном женихе.

У принца и его свиты на день была запланирована плотная культурная программа, так что Лиорель ей не докучал: после экскурсии и обеда гостей ждали в оранжерее, на конкурсе букетов, а вечером в библиотеке проводились поэтические чтения. Дана Ниври пыталась отправить туда Вирею и даже готова была отпустить с рабочего места на час раньше, но та отговорила обещанием помочь Алтине. Жрицам отказывать в просьбах не полагалось, а то, что помощь требовалась с платьем, директрисе знать было вовсе не обязательно.

Утром в день бала Вирее пришлось присутствовать на торжественном мероприятии, посвящённом окончанию триместра. В большом зале, оформленном в цветах Ордена Исцеляющей длани – синие стены, воздушные белые драпировки, – собрались все преподаватели, ученицы и допущенные в пансион родители, отчего быстро стало душно. Солнце светило в окна, отражалось от полированного мрамора пола и било по глазам, хотелось щуриться и отводить взгляд, но нужно было стоять рядом с трибуной директрисы, подавать документы из папки, поправлять при необходимости микрофон и вообще изображать идеального секретаря.

На неё смотрели.

Дана Криста сидела в задних рядах среди родителей, и выражение «сверлить взглядом» сегодня казалось особенно точным. Вирея ругала себя, что не спросила Алтину о ментальной защите, жрица, да к тому же врач, должна была разбираться в таких вещах. Но раскрывать все подробности разговора с Гэлханом почему-то казалось неэтичным – придётся ведь упомянуть и о его способностях, что если ему это не понравится? Пока же оставалось только не смотреть ещё и на мачеху, как на особо яркое солнечное пятно.

Ах да, и на Лиорея. Но этому неплохо удавалось держать себя в руках, и в единственный раз, когда их взгляды пересеклись, благожелательное выражение на его лице не дрогнуло. Во всяком случае, он вряд ли собирался выступать со своими предложениями на публике, рискуя получить публичный же отказ.

Опаснее всего оказалось случайно поймать взгляд принца: тот неожиданно разулыбался, словно увидеть её сегодня было единственной радостью в его жизни, а потом ещё и подмигнул так, что она с трудом сдержала смех, поспешно опустила голову и уставилась в папку. Совести нет у этого высочества, разве можно так себя вести на серьёзном мероприятии?

Очень скоро оказалось, что улыбки и подмигивания – далеко не предел способностей принца.

Директриса уже перечислила успехи и достижения пансиона за осень, подвела итоги букетного конкурса и заговорила о воспитанницах, особо отличившихся в учёбе. Почётные грамоты она обычно выдавала лично, но сегодня эта обязанность выпала принцу. Самого его, кажется, забыли предупредить, нарушение планов взволновало охрану, и его высочество поднялся на сцену в компании телохранителя и сразу обоих духовников.

В итоге церемония награждения выглядела так: дана Ниври называла фамилию, к ней подходила очередная взволнованная девица, Вирея вынимала из папки переливающийся синесеребряный бланк и передавала охраннику, тот Гэлхану, а тот уже принцу. Второй духовник в цепочке не участвовал, просто встал возле директрисы и молча улыбался – вроде бы приветливо и широко, но девушки очень старались на него не смотреть и поскорее проскочить мимо.

Его высочество улыбался ещё шире. Он всем видом показывал, как счастлив участвовать в жизни пансиона, сыпал комплиментами, предлагал погладить сидящего на его плече гор-

ността, интересовался учебными дисциплинами, которые особенно нравятся награждаемой, расспрашивал о цветах бальных платьев и вообще всячески затягивал процесс. Вирее сперва показалось, что принца искренне радует всеобщее внимание, но спустя шесть девиц Гэлхан что-то шепнул охраннику, и тот нехотя отступил, сократив цепочку. На подопечного духовник только посмотрел – с каким именно выражением, Вирея не видела, зато могла полюбоваться попыткой принца закатить глаза, не закатывая при этом глаз.

– Дана Ниври, – окликнул он с лучезарной улыбкой, – я совсем не думаю о времени. Не стесняйтесь делать мне замечания, я теряю голову в присутствии столь очаровательных особ, и мы все рискуем пропустить обед!

Директриса порозовела и хотела было что-то ответить, но дан Ансельм легонько коснулся её плеча и покачал головой. Гэлхан требовательно протянул руку, Вирея спохватилась и отдала ему очередную грамоту. От поспешного движения пальцы соприкоснулись, она вздрогнула и уставилась в пол, стараясь сосредоточиться на работе. Принц тоже взял себя в руки, и хотя он продолжал шутить, хвалить и поздравлять, дело пошло намного быстрее.

Он зол, вдруг поняла Вирея, вслушиваясь в интонации его высочества. Ему совсем не нравится торчать на сцене, пугая девушек, и ещё меньше нравятся связанные с этим меры безопасности. И в то же время внутреннее понимание долга не даёт послать всех к Змею, потому что он здесь не просто так, он представляет правящую семью, и его поведение должно быть идеальным – как минимум настолько, чтобы никто не мог упрекнуть в сознательно несерьёзном отношении. Мальчик старается, мальчик просто молод и, возможно, глуповат, простим ему это...

Ужасно захотелось помотать неожиданно тяжёлой головой, но Вирея позволила себе лишь закусить губу до боли и отвернуться от окна. Стало легче, на миг ей почудился запах нагретой солнцем травы – так пахло в детстве, когда она приезжала вместе с мамой погостить к бабушке. Вдох, выдох, ещё три грамоты переключались к адресатам, последняя осталась в папке, потому что Риона на вручение не пришла, нужно будет отдать ей позже. Гэлхан глянул вопросительно, но у даны Ниври имелся список награждаемых, и она, едва дождавшись, когда последняя из воспитанниц сойдёт со сцены, снова начала говорить что-то восторженно-торжественное. Вирея не вслушивалась, эту речь она тоже писала сама и только отсчитывала минуты до момента, когда можно будет наконец уйти: мышцы на лбу и вокруг глаз болезненно напряглись, лицо ощущалось жёсткой маской.

– Вам дурно? – еле слышно шепнул Гэлхан.

Вирея вздрогнула, осознав, что он стоит совсем рядом, почти касаясь её ладони, и именно от него исходит тот травянисто-горький и терпкий запах, от которого ей хотелось дышать глубже. Ответить она не успела – как раз в этот момент директриса закончила речь, объявила оставшиеся полдня свободными и пожелала старшекурсницам как следует подготовиться к балу.

– Святое небо, – театральным шёпотом ужаснулся принц, – я уже ослеплён и едва дышу от неземной красоты вокруг, что же будет, когда они подготовятся?!

В зале охотно захихикали, директриса улыбнулась, словно комплимент относился и к ней, и жестом позволила подопечным расходиться. За шумом отодвигаемых стульев и шелестом шагов Вирея слышала, как Гэлхан вздохнул.

– Дана Ниври, – окликнул он. – Мой духовный наставник, узнав, что я буду здесь, просил лично согласовать цикл лекций о семейных ценностях для воспитанниц пансиона. Могу я обсудить с вашим секретарём расписание? Я понимаю, что сегодня в честь бала рабочий день сокращён, и всем нужно готовиться к празднику, однако если бы дана Вирея уделила мне всего полчаса...

Директриса взглянула на него растерянно – Вирея готова была поклясться, что ни о каких лекциях она не помнит, да и не факт, что такая договорённость была, мимо неё это не прошло бы. Но прямо возражать духовнику принца дана Ниври не стала.

– Вирея, милая, вы ведь опять пропустите бал? Очень жаль, очень жаль... Тогда решите, пожалуйста, вопрос дана Сорро.

Вирея с трудом заставила себя не морщиться, но в следующее мгновение запястья коснулись прохладные сухие пальцы.

– Благодарю, дана Ниври, – быстро произнёс Гэлхан.

Он сделал шаг вперёд, слегка загородив Вирею плечом, церемонно поклонился, сказал что-то хвалебное о мудром руководстве и процветании. Принц тут же подхватил, засыпал все возможные сомнения ворохом комплиментов, предложил директрисе руку, помогая спуститься со сцены, тут же окликнул второго духовника с вопросом об обеде...

– Какие ещё лекции? – негромко спросила Вирея, стараясь не разжимать зубов и поменьше двигать головой.

Гэлхан вместо ответа забрал у неё папку и отложил на трибуну.

– Вы снова вынуждаете меня лезть не в своё дело, – проговорил он почти весело, – а я снова не могу пройти мимо. Дайте руку. Не бойтесь.

Не дожидаясь позволения, он поймал её ладонь и тут же прижал пальцы к запястью, словно собрался считать пульс. Вирея попыталась было отпрянуть, но тут же поняла, что трибуна удачно загораживает их руки от всего зала.

– Что вы...

– Молчите. И попытайтесь немного расслабиться.

В следующий миг травянистый запах стал сильнее, во рту почудилась горечь, тяжесть в голове качнулась ото лба к затылку. У основания шеи запульсировало тепло, потекло мягкой волной вверх, снимая спазм с мышц, разглаживая лицо, унимая боль, и от контраста ощущений сбилось дыхание.

Гэлхан улыбался.

– Легче? Прекрасно. А теперь идёте, пока нас не заподозрили ни в чём предосудительном. И лекции ведь сами себя в расписание не поставят. Видите ли, мой наставник считает...

Всю дорогу до дверей он рассказывал о наставнике, который был жрецом уже пятой ступени, состоял в счастливом браке тридцать с лишним лет, имел четверых детей и буквально горел желанием поделиться семейным опытом с юными девами. Вирея рассеянно кивала, больше вслушиваясь в собственное состояние, чем в его слова. Голова не болела, ни капельки, и шея перестала казаться одеревеневшей, и от охватившего её ощущения лёгкости хотелось расправить плечи, выпрямить спину и...

Да.

Танцевать. Сейчас. Впервые за шесть лет.

– Что вы сделали? – вполголоса уточнила она, когда они подошли к дверям и остановились в некотором отдалении, ожидая, пока рассосётся толпа из желающих выйти.

Гэлхан пожал плечами.

– Я? Ничего.

Он смотрел прямо перед собой, но Вирея видела, как вздрагивает уголок его рта в попытке сдержать улыбку.

– Разве Всевышний не запрещает нам лгать ближним своим?

– Запрещает, – сокрушённо вздохнул Гэлхан. – Мне придётся отмаливать этот грех весь вечер.

Вирея отвела взгляд и первой вышла из зала в прохладный коридор, по которому гулял упоительно свежий сквозняк.

– То есть, – уточнила она ровно, – на балу вас не будет?

Гэлхан у неё за спиной негромко хмыкнул.

– На балу, насколько я успел понять, не будет вас. А мне всё равно придётся стоять в каком-нибудь углу и присматривать, чтобы его высочество не натворил глупостей. Во всяком случае, больше, чем обычно. Всевышний же слышит нас во всякое мгновение, и каждое сердце бьётся в Его ладонях, и каждая душа поёт Ему славу...

Боковым зрением Вирея уловила движение и повернула голову, чтобы увидеть, как он взмахнул рукой, творя знак трилистника. Из-под серого рукава с сухим шелестом выскользнули малахитовые чётки, закачалась у основания ладони серебристая подвеска – дерево в круге.

Вирея на мгновение поджала губы, поколебалась и всё же решилась:

– А если я пойду на бал?

Он помедлил. Вирея заставила себя поднять голову и глянула ему в глаза, прямо и с вызовом.

Гэлхан снова улыбался.

– Тогда мне, разумеется, придётся танцевать.

Внутри вдруг стало ужасно тепло, избыток этого тепла грозил вот-вот выплеснуться на щёки. Вирея наклонила голову к плечу и не стала сдерживать улыбку.

– И, возможно, вы будете столь благоразумны, что пожелаете искупить грех, рассказав мне правду?

Он усмехнулся.

– Возможно. Но прежде нам нужно решить вопрос с расписанием. Вы ведь не хотите, чтобы и эту ложь мне пришлось отмаливать?..

Она медленно покачала головой, развернулась, ужасно жалея, что подол её платья слишком плотный, чтобы от движения картинно взметнуться красивыми складками, и направилась к кабинету директрисы, спиной чувствуя его взгляд. Расписание на второй триместр она уже составила, согласовала со всеми преподавателями, и от мысли, что в нём придётся что-то менять, в любой другой день у неё наверняка снова заболела бы голова.

Но не сегодня.

– Вы могли бы лучше держать себя в руках, – неодобрительно проговорил Гэлхан час спустя.

Он сидел на подлокотнике кресла и наблюдал за тем, как его высочество выбирает наряд для бала. Дело не клеилось: тот, кто складывал гардероб в дорогу, не учёл личных вкусов наследника, а то и руководствовался вкусами императрицы.

– Они могли бы предупредить, – огрызнулся Ивор. Вынул из шкафа два костюма на плечиках, приложил к себе сперва золотистый, расшитый розами, потом тёмно-вишнёвый в ромбах. Скривился, швырнул оба на кровать, снова заглянул в шкаф. – Я подготовился бы морально. Ненавижу чувствовать себя идиотом.

Гэлхан пожал плечами и одним пальцем погладил макушку устроившейся на спинке кресла горностаечки. Хозяин велел ей сидеть на месте и подкрепил команду сигналом с браслета, но зверушке ужасно хотелось сбежать: она поминутно вздрагивала, переступала с лапки на лапку, вставала столбиком и снова ложилась. Рядом на столике стояли песочные часы, заполненные крошечными синими кристаллами – судя по ним, до похвалы и лакомства терпеть оставалось совсем немного.

– Зато вам, кажется, нравится им выглядеть.

– Исключительно в тех случаях, когда я сам это запланировал, – буркнул принц, скептически рассматривая манжет на парадной рубашке – в свете ярких ламп ткань искрилась и переливалась, как свежевypавший снег на солнце. – Ладно, чего вы от меня хотите?

Гэлхан всерьёз задумался. О том, что Ивор интуит шестого уровня, ему, разумеется, сообщили. Ауру принц закрывал сильным амулетом, чтобы никакие враги короны не подсмотрели и не навредили, эмоции глушил ментальным блоком. Пообщавшись с наследником близко, Гэлхан с уверенностью мог сказать, что те реакции, которые он выдаёт на публику, зачастую прекрасная актёрская игра. Обычных людей принц обманывал без труда, других интуитов в его окружении не было, а если бы и были...

– Можно попросить вас снять защиту?

– Нельзя, – вздохнул Ивор. Он потёр переносицу, уронил рубашку на пол и щёлкнул языком, подзывая зверя. Горностаечка сорвалась с места, в пару секунд оказалась рядом и взлетела ему на плечо. – Горана умница, Горана хорошая девочка... Глупых вопросов не задаёт, голова у неё от меня не болит, святое небо, это идеал женщины!

– Она ест сырое мясо и капает вам на рукав, – заметил Гэлхан. Юная хищница крошечным кусочком умудрилась перепачкать всю мордочку и выглядела теперь так, словно вот-вот вцепится хозяину в горло.

– Плевать, – отмахнулся Ивор и демонстративно вытер ладонь о штаны. – Я просил принести сухой корм, но кто бы слушал мои просьбы? – Он демонстративно развёл руками и огляделся. – Кто вообще готов меня слушать, кроме вас?

– Это моя работа.

Принц немного помолчал, поглаживая зверушку, а потом глянул на Гэлхана серьёзно.

– Нет. То есть да, и работа тоже, но ведь и дан Ансельм обязан со мной общаться и меня терпеть, однако он с удовольствием сваливает это на вас. А вы... – Он прикрыл глаза. Гэлхан машинально укрепил ментальный блок, и Ивор тут же усмехнулся. – Бесполезно, можете не стараться. Вы мне сочувствуете. Вы хотели бы помирить меня с братом, но отчего-то не можете. Вы очень чётко ощущаете разницу между тем, что я чувствую, и тем, что показываю. Прямо сейчас вы удивлены, слегка растеряны, но преобладает, пожалуй, любопытство... И у вас тоже болела голова на второй день нашего знакомства. Змей с вами, спрашивайте.

Гэлхан помедлил. Полноценным эмпатом Ивор определённо не был, и его способности управлять людьми по большей части обуславливались личным обаянием, самую малость подкреплённым даром. Но в отношении него принц не ошибся. Что же касается головной боли – он ведь потому и начал сейчас разговор, что увидел в ауре Виреи след чужого эмоционального всплеска. Выровнять неудачно изогнувшийся меридиан резонансом было несложно, но человеку, чьи чувства вызывали у людей такую реакцию, действительно хотелось задавать вопросы.

– Ваш дар, – медленно произнёс Гэлхан, – отбирает определённых людей по параметрам ауры. Ему нужно время, чтобы эти параметры найти и установить связь. А потом выбранный человек...

– ...Слышит мои эмоции сквозь все блоки, – нехотя договорил Ивор после паузы. – А я слышу его. Это пройдёт через несколько дней, не переживайте, а со временем я научусь это контролировать и обходиться без неприятных эффектов. Отец говорил, что основная способность нашего дара – подбирать людей, которые будут исключительно верны, никогда не предадут, не обманут. У меня не так чтобы много надёжных людей, и я рад, что теперь есть ещё и вы. – Он пожал плечами и коротко, через силу улыбнулся, но тут же снова помрачнел. – А ещё у вас есть от меня тайна, важная и сложная. Я подозреваю, что связана она с Владом, и потому не стану спрашивать. Но просто знайте, что я тоже знаю. И меня это бесит.

Гэлхан наклонил голову. Принц всё же снял часть защиты, и теперь было чётко видно, что он раздражён, а попытка объяснять про приказ императора только разозлит его сильнее. В то же время откровенность требовала ответного шага.

– Я имею право рассказать всё, – произнёс он медленно, – если вам будет грозить смерть. Я умею такое видеть.

Ивор некоторое время смотрел ему в глаза.

– Вот, значит, почему вы всюду за мною ходите, – резюмировал он. – Я уж было начал думать... Но ваш интерес к дане Вирее меня успокоил.

– Ваше высочество!

– Можно по имени, – усмехнулся принц. – Наедине точно. Вы старше меня вдвое, не нужно лишних церемоний... Ах да, дана Вирея. Она тоже теперь в клубе. Покажите ей, как ставить блок, её, кажется, вообще ничему не учили.

– Мы уедем завтра, – осторожно напомнил Гэлхан.

Ивор глянул удивлённо.

– И что? Нет, я понимаю, что вы не готовы прямо сейчас схватить её в охапку и увезти на край света, но мне будет намного проще, если вы на ней женитесь. Мне, в конце концов, тоже может быть нужен секретарь.

– Ивор!

Принц вдруг рассмеялся, весело и искренне.

– Да, я бесцеремонная сволочь. Иногда. Не со всеми. Я, наверное, буду совершенно кошмарным императором, да подарит Всевышний моему брату крепкого здоровья, долгих лет жизни и каких-нибудь других наследников. Но вы, конечно, ничего такого не говорили и даже не думали, правда?

Гэлхан невольно улыбнулся и встал.

– Вы бесцеремонная сволочь, ваше высочество, – проговорил он с удовольствием, чувствуя, как легко отзывается в ауре чужое настроение – радость, доверие, принятие. – Но мы, пожалуй, сможем подружиться. Наденьте белое, вам к лицу, и шерсть будет меньше видна.

Принц с усмешкой покосился на сидящий на плече источник шерсти, а потом крепко пожал протянутую руку. И Гэлхан подумал, что император из него может выйти неплохой – но лучше бы не прямо сейчас.

Когда Ивор отвернулся к шкафу, он прикрыл глаза и одними губами произнёс молитву за здоровье Владиара Второго.

Глава 7. Танцы и кровь

Вирея вышла в круглый холл у лестницы, соединяющей левое крыло со вторым этажом центральной части здания, и остановилась, одновременно желая и не решаясь сделать следующий шаг. Из-за неплотно прикрытой двери уже доносилась музыка, разбавленная невнятным шумом голосов, и хотя до первого танца ещё оставалось немного времени, следовало поторопиться.

– Вперёд, – усмехнулась Алтина и легонько подтолкнула её в спину. – Это всего лишь бал, а не поле боя.

От прикосновения под платьем пробежала волна мурашек, и Вирея пошевелила плечами, пытаясь их прогнать. Предвкушение праздника смешивалось с пониманием, что она делает сейчас совсем не то, чего от неё ждут директриса, мачеха и навязанный жених, и оттого было одновременно весело и самую чуточку страшно. К тому же на балах она действительно не была ужасно давно – вдруг она будет выглядеть глупо, вдруг все движения на нервах вылетят из головы, вдруг над ней станут смеяться?

Алтина подтолкнула её ещё раз, Вирея на миг задержала дыхание и всё-таки шагнула через порог. По обе стороны широкого коридора темнели запертые двери классных комнат, свет был приглушён, лишь по стенам, отделанным имитацией дикого камня, вились крошечные огоньки гирлянд. Зато впереди, в холле между центральной лестницей и бальным залом, ярко сияли лампы.

– Я побуду в библиотеке, – Алтина поцеловала её в щёку и быстро осенила знаком трилистника. – Непременно зайди ко мне потом, расскажешь, как всё прошло.

«Всё пройдёт отлично,» – твёрдо пообещала себе Вирея. Ей нужно окончательно избавиться от нежеланного жениха – а ещё, в конце концов, отдохнуть и расслабиться. Она заслужила этот бал.

Большой бальный зал располагался в центре здания и занимал сразу два этажа. Высокие двустворчатые двери были распахнуты настежь, в полукруглом холле, украшенном блёстками, снежинками, хрустальными подвесками и серебряными цветами, толпились молодые люди в синей с золотом форме – воспитанники Ксантарского военного училища, которых традиционно приглашали на балы в качестве кавалеров. Охрана принца сверяла прибывших с заранее утверждённым списком, дело грозило затянуться, и Вирея не спеша прошла через холл, остановилась перед высоким зеркалом, разглядывая себя.

Алтина уложила ей волосы в объёмную мягкую «ракушку» и приколола поверх нить искусственного жемчуга. Из-за вечернего макияжа лицо казалось чужим: яркие глаза в обрамлении непривычно густых и длинных ресниц, необычно чёткий контур губ, помада иного оттенка – вроде бы тот же холодный розовый, но темнее, выразительнее. Платье сидело идеально, а чёрная жемчужина притягивала внимание к вырезу – и немного ниже.

– Вы прекрасно выглядите.

Гэлхан шагнул в отражение и встал за её плечом. Вирея невольно улыбнулась – он носил серое с момента прибытия в пансион, но именно сегодня его костюм был атласным и серебристым, лишь немного темнее её платья. Шейный платок оттенка малахита был повязан сложным бантом, отражаясь в серых глазах весенней зеленью.

– Благодарю, – отозвалась она и обернулась.

Был ли виноват платок, или улыбка, живая и лукавая, но прямо сейчас Гэлхан, несмотря на седину, казался намного моложе, чем ей подумалось при первой встрече. А может, дело было в том, что он, как и она сама, позволил себе в этот вечер не думать о делах?

– Надеюсь, после демонстрации моих способностей вы не начали меня бояться? – усмехнулся он.

Вирея запоздало подумала, что, наверное, стоило бы. Но заставить себя относиться к нему с подозрением почему-то не выходило. Возможно, он уже успел внушить ей симпатию?..

А может, он ей действительно симпатичен?

– Вы ведь обещали объяснить, в чём дело, – напомнила она, решительно кладя ладонь на предложенную руку. – А если вы попробуете меня обидеть, я могу пожаловаться вашему наставнику, у меня теперь есть все его контакты.

Гэлхан рассмеялся, легко сжал её пальцы и заверил:

– У вас не будет повода.

А потом был бал. Сияющие люстры, зимние декорации, искусственный снег под ногами, гирлянды из еловых ветвей и остролиста на белых колоннах. Музыка и танцы, которые она, как оказалось, вовсе не забыла, а Гэлхан, к её радости, танцевал отлично, легко и непринуждённо. Разноцветные фруктовые коктейли, безалкогольные, конечно – Гэлхан принёс ей персиковый, а себе выбрал мятный. Взгляды, самые разные: приятельницы из числа преподавательниц и старших учениц смотрели удивлённо, но одобрительно, Риона радостно, принц восторженно. Впрочем, принц смотрел так на всех, наверняка долго тренировался, и на танец он пригласил её, кажется, просто назло Гэлхану.

– Вы зря на себя наговаривали, – сказала ему Вирея, когда пары вновь закружились под неспешную музыку. – Вы прекрасно танцуете.

Его высочество усмехнулся.

– Я ничего не говорю зря, – возразил он. – И не люблю вызывать завышенные ожидания. Вы ведь не метите в будущие императрицы? Прекрасно, значит, сердце дана Гэлхана не будет разбито. Что вы так удивлённо на меня смотрите, вы не видите, что он в вас влюблён?

Вирея почувствовала, что краснеет.

– Влюбиться всего за три дня, – проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, – весьма неосмотрительно.

– Влюбиться можно и с первого взгляда, – не согласился принц. – Вон там, – он умудрился жестом обвести зал и не сбиться с такта, – как минимум полтора десятка девиц, которые воображают, что в меня влюблены. А я, представьте себе, даже познакомиться ни с одной толком не успел, и как прикажете выбирать? А хотите, я расскажу вам о дане Гэлхане? Он очень хороший, честно!

– Не нужно! – ужаснулась Вирея.

– Как хотите, – покладисто кивнул он. – В конце концов, представление о характере будущего супруга лучше составить самостоятельно.

– Ваше высочество!

Вирея попыталась остановиться и отстраниться, но принц не отпустил.

– Наше высочество иногда бывает бесцеремонной сволочью, – сообщил он грустно. – Невыносимый тип. Вы не представляете, как тяжело мне с ним жить, и это просто чудесно, что вы не хотите быть императрицей... А к дану Гэлхану всё-таки присмотритесь, хорошо?

Танец, к счастью, закончился. Вирея позволила отвести себя к месту, где остался Гэлхан, но бестактность принца испортила настроение, и танцевать расхотелось. Пока его высочество выяснял, как без него вёл себя оставленный на духовника горноста́й, она развернулась и медленно пошла вдоль стены, разглядывая украшения и улыбаясь знакомым. Она успела обойти половину зала, выслушала массу комплиментов, похвалила в свою очередь с десяток платьев, почти вернула себе приятное расположение духа и попыталась высмотреть в толпе Риону, с которой ей до сих пор так и не удалось поговорить. Но в миг, когда музыка снова умолкла, прямо перед ней возник Лиорель.

– Дана Вирея, – он вежливо поклонился. – Вы позволите вас пригласить?

Она помедлила. Танцевать конкретно с ним не хотелось, но прямо сейчас более подходящих кавалеров рядом не было, да и слова принца снова обидно царапнули внутри – какое ему

дело до её личной жизни! Вирея раздражённо дёрнула уголком рта, приняла предложенную руку, Лиорель улыбнулся чуть шире и повёл её...

К дверям.

– Я прошу прощения, – произнёс он на ходу, – но мне действительно необходимо поговорить с вами наедине.

Вырываться было бы глупо. Вирея досадливо поморщилась, но всё же вышла вместе с ним в холл, в последний момент передумав устраивать прилюдный скандал. Охранники принца проводили их подозрительными взглядами.

– Я не понимаю, о чём вы хотите разговаривать. Моё мнение за два дня не изменилось.

Он снисходительно хмыкнул и не ответил, направившись по коридору в сторону приоткрытой двери, ведущей в левое крыло. Музыка с каждым шагом становилась тише, по полу тянуло сквозняком – похоже, на лестнице кто-то оставил открытое окно.

Перед самой дверью Лиорель обернулся, поморщился. Вирея тоже глянула через плечо – в холле отдыхали от танцев несколько человек, не толпа, но её спутнику, видимо, требовалось полное отсутствие свидетелей. Он вывел её к лестнице и плотно закрыл дверь.

Стало тихо.

Вирея отошла на несколько шагов и положила ладони на перила, ограждавшие лестничную площадку. Одна из створок окна пролётом ниже и впрямь оказалась приоткрыта, на широкий подоконник намело снега.

Лиорель за её спиной негромко кашлянул.

– При нашем прошлом разговоре, – произнёс он с долей насмешки, – я, видимо, выразился недостаточно ясно. Впрочем, меня прервали, и я не успел договорить. Лишь поэтому я считаю возможным извинить ваше поведение.

По спине пробежал холодок. Вирея вздёрнула подбородок и коротко глянула в его сторону через плечо.

– Моё поведение? Не понимаю, о чём вы.

– Понимаете. Я прямо сказал, что готов считать вас будущей супругой, и привёл разумные аргументы в пользу этого брака. Я не говорил о своих чувствах к вам, так как считаю их второстепенными в данном вопросе, но вас, как я теперь понимаю, это обидело. Ничем иным я не могу объяснить эту глупую попытку вызвать мою ревность. И ладно бы выбрали кого попримечнее, но старик-жрец... – Он усмехнулся. – Или вы решили проверить границы моего терпения? Выяснить, насколько я готов ради вас рискнуть репутацией?

Вирея устало прикрыла лицо ладонью. Ей вдруг нестерпимо захотелось вернуться в свою комнату и лечь спать. Тут же заныли отвыкшие от танцев ноги, отозвались стянутые корсетом рёбра...

– Мне совершенно неинтересны ни ваша ревность, ни ваша репутация, ни вы в целом. Я тоже, возможно, выразилась недостаточно ясно, так вот – я не выйду за вас. Вообще. Совсем. Никогда. И нам не о чём более говорить.

Она развернулась резко, так что подол закрутился вокруг ног, и шагнула к двери. Лиорель позволил ей пройти мимо, но стоило протянуть правую руку к дверной ручке, как на левом запястье сжались жёсткие пальцы. Вирея вскрикнула и попыталась вырваться, но Лиорель перехватил и вторую руку, а потом просто прижал её к стене.

– Нет уж, – раздражённо выдохнул он, наклонившись к её уху, – теперь вы меня слушаете.

– Что вы себе...

– Тихо.

Он вздохнул, глубоко и жадно, наклонился к самому вырезу её платья, почти коснулся губами чёрной жемчужины. Вирея чувствовала его дыхание на коже и сама едва дышала.

Нужно было закричать, позвать на помощь, её должны услышать! Но голос отказал, а Лиорель вдруг отступил и убрал руки за спину.

– Я понял, – проговорил он с досадой. – Тётушка так и не удосужилась как следует с вами побеседовать и свалила все объяснения на меня. Не слишком красиво с её стороны... Что ж, ладно. Видите ли, дана Вирея, ваше мнение по этому поводу не имеет равным счётом никакого значения. У вас есть всего один шанс отказаться, но знайте, что в таком случае моей женой станет Риона. Послезавтра.

Ноги задрожали. Вирея вцепилась в декоративную кладку стены, острый скол впился в пальцы.

– Вы с ума сошли? – с трудом проговорила она. – Ей всего шестнадцать!

Лиорель улыбнулся, широко и зло.

– Нет, к нашей общей удаче, не сошёл. Мне совершенно неинтересна хилая девчонка с её вечными простудами. Однако есть обстоятельства, по которым жена мне нужна, и очень быстро, нет времени на глупости вроде ухаживаний или помолвки на полгода. А тётушка кое-что должна моему отцу. Не деньги, хотя и их тоже. Кое-что такое, за что он в ответ имеет право потребовать её дочь хоть мне в жёны, хоть себе в служанки, и магическая клятва не даст ей возражать. Впрочем, она попыталась вывернуться.

Он умолк, позволяя ей самой догадаться.

– Она, – хрипло произнесла Вирея, – предложила меня.

– И меня устраивает это предложение, – кивнул Лиорель. – Вы хотя бы не выглядите как хрупкая тростиночка, которая умрёт от ужаса в первую брачную ночь. Но ваш решительный отказ не оставляет мне выбора.

Вирея прижалась спиной к стене, пытаясь унять дрожь. Следы его ладоней на запястье и плече словно жгло изнутри, воспоминание о собственной беспомощности пугало – но ещё больше пугала мысль, что в этих руках окажется Риона.

– Это безумие, – пробормотала она. – Так нельзя.

– Можно, – возразил Лиорель холодно. – Нужно. Заметьте, я сейчас с вами разговариваю и объясняю, а мог бы, к примеру, оглушить и просто закинуть в сферокар. Или затащить вот хотя бы за эти двери – ваша комната находится на этом этаже, я прав? А потом сказать, что это вы меня соблазнили, но я, как честный человек, согласен жениться. И никто не возразит, потому что вы ведь явились на этот змеев бал, в этом змеевом платье... Кричать, к слову, бессмысленно, у меня есть артефакт-глушилка. Вас не услышат. Итак, у вас две минуты, выбирайте – вы или ваша сестра. А впрочем, сестра не родная, и вы, конечно, можете захотеть проявить эгоизм. Что ж, в некоторых случаях законы разрешают браки с шестнадцати.

Он сделал паузу. Вирея закусила губу, стараясь сдержать слёзы, и попыталась придумать выход. Она не должна, не обязана, и чего бы там ни пообещала дана Криста старшему дану Йенро, это не может выходить за рамки закона. И Риона не может выйти замуж в шестнадцать лет, только если...

Не будет беременна.

Она прижала ладонь к губам.

– Вы не посмеете...

Он жёстко усмехнулся, и стало ясно – посмеет и не такое.

– Да зачем вам вообще нужна жена? Настолько?!

– А вот это, – хмыкнул он, – не ваше дело. Две минуты истекли. Я надеюсь, вы приняли правильное решение. И прямо сейчас вы пойдёте в свою комнату, переоденетесь, соберёте вещи...

Договорить он не успел. Со стороны бального зала донёсся шум, потом крик, потом грохот и топот. Дверь нешироко открылась и снова захлопнулась, человек в одежде слуги подскочил к Лиорелю и что-то быстро сказал ему на ухо, отчего тот зло скривился.

– Невовремя... Хватай её!

Вирея попыталась было броситься к двери, ведущей к комнатам – её можно было запечатать. Но успела сделать лишь несколько шагов, как её схватили, встряхнули и потянули к стене, за декоративные драпировки. Щёлкнул выключатель, погружая помещение в полумрак.

– Давай сюда, в угол, – еле слышно шепнул Лиорель. – Переждём... Ведите себя смирно, дана Вирея, нехорошо, если на свадьбе у вас будут синяки.

В следующий миг дверь распахнулась с такой силой, что грохнула о стену. Вирея узнала белый костюм и долговязую фигуру принца, попыталась позвать на помощь, но рот тут же зажали ладонью. Насчёт артефакта-глушилки Лиорель не врал: не обратив на шум за драпировкой никакого внимания, принц бросился вниз по лестнице.

Гэлхан в кои-то веки позволил себе расслабиться – да и кто бы на его месте не позволил? Эмоции множества людей окружали плотным искристым облаком, самый крепкий ментальный блок не мог бесследно погасить волну праздничной радости, то и дело накрывающую его с головой. А изнутри поднималась собственная неуверенная радость, крепнущая с каждым танцем, с каждой улыбкой и каждым прикосновением тонких тёплых пальцев к ладони. Вирея была так искренне счастлива и так хороша в своём счастье...

«Она младше тебя на четырнадцать лет, – ворчал внутренний голос. – Ты можешь дать ей положение в обществе и даже деньги, но что насчёт внимания и душевного тепла, которого когда-то не хватило той, другой? Ты ведь продолжишь уходить в работу с головой – а можешь потерять и голову, если те, кто плетёт козни против правящей семьи, сумеют, не приведи Всевышний, добиться своего. Такая девушка, красивая, умная, решительная, совершенно точно сможет найти кого-то получше, чем профессор истории, жрец Серебряного дерева и духовник наследника, вместе взятые».

Но ему отчаянно не хотелось, чтобы она искала кого-то ещё.

Настроение слегка портил Ивор. Для всех окружающих принц был весел, бодр и искренне наслаждался праздником. Гэлхан знал, что он и в самом деле старается, но чувствовал, что бал не приносил ему удовольствия. И дело было не в необходимости искать невесту – в конце концов, никто не заставлял его делать выбор прямо сейчас. Не в толпе, шуме и всеобщем внимании – на то, чтоб «подготовиться морально» к балу, времени было в избытке. Дар ловил отголоски не то тревожного ожидания, не то болезненной неуверенности: так бывает, когда мучительно пытаешься вспомнить что-то важное, но не можешь.

Когда Ивор пригласил на танец Вирею, Гэлхан лишь пожал плечами и принял взволнованную горностаечку, на которую в честь праздника надели шлейку с поводком. Хотя внутри царапнуло что-то, похожее на ревность – разница в возрасте в семь лет вдвое меньше, чем в четырнадцать, и ею вполне можно пренебречь при перспективе стать женой принца, а потом и императора. Весь танец он внимательно следил за парой, но опасения не оправдались: Вирея, похоже, осталась недовольна кавалером.

Впервые за время знакомства Гэлхан порадовался, что его высочество кому-то не нравится.

Он отвлёкся буквально на несколько минут, передавая зверушку хозяину, а потом ещё на несколько: у одного из юношей из свиты обнаружилась аллергия на коктейль, пришлось срочно разыскивать целителя, у которого были нужные таблетки. Это заняло не так уж много времени, да и вовсе не входило в обязанности Гэлхана, но к тому моменту, когда вопрос решился, Виреи рядом не оказалось.

– Я видел её с Лиорелем, – с ноткой мрачного удовлетворения проговорил Ивор, поглаживая пушистый хвост – Горана устроилась у него на воротнике. – Вон там, у выхода. Знаете, если вы не проявите больше активности, то можете и не успеть.

Гэлхан с досадой посмотрел в указанном направлении.

– Что вы ей сказали?

Принц попытался сделать невинные глаза, пришлось глянуть поостроже. Сквозь ментальный блок плеснуло раздражением и смущением.

– Да ничего особенного... Хотел рассказать побольше о вас, чтоб ей было интереснее. Вы ей нравитесь же, я её слышу! Что не так?

Гэлхан глубоко вздохнул, досчитал до пяти, глянул по сторонам, убеждаясь, что рядом никто не стоит, улыбнулся почти без усилий и поманил пальцем. Принц хмыкнул, но наклонился – иначе духовнику пришлось бы встать на цыпочки, чтобы говорить ему на ухо.

– Святое небо, Ивор... Вы хоть раз влюблялись? Ну хотя бы представьте, что влюблены. Представляйте-представляйте, я вас тоже слышу. Да, примерно так. И тут вдруг кто-то лезет вот в это ваше воздушное и светлое грязными руками, исключительно с добрыми намерениями. Допустим, её величество Лиссандра.

Ментальный блок Ивор удержал, но лицо перекошилось.

– Я не Лиссандра, – буркнул он, выпрямляясь.

Гэлхан терпеливо кивнул.

– И потому я не злюсь, а поясняю, в чём вы неправы.

Принц некоторое время смотрел на танцующих, и его неудовольствие выражали только пальцы, теребящие кончик поводка. Гэлхан не торопил его – на то, чтобы признать собственную ошибку, требовалось немало внутренней силы. Он снова всмотрелся в толпу, Вирею не увидел и нахмурился. Возможно, пора уже было идти её искать.

За главными дверями бального зала вдруг послышался шум и грохот. Охрана напряглась, Ивор вскинулся и придержал ладонью забеспокоившуюся зверушку...

Гэлхан вдруг понял, что его мутит.

Он закрыл глаза и принялся считать про себя. Пять, шесть – шум нарастает. Десять, одиннадцать – двери распахиваются с грохотом. Тринадцать, четырнадцать...

– Остановить музыку! – рявкнул усиленный артефактом незнакомый голос. – Бал окончен! Его Величество Владиар Второй...

Слова «мёртв» Гэлхан не слышал, потому что за мгновение до того, как оно было произнесено, открыл глаза и увидел лицо Ивора, бледное, встревоженное, с резко заострившимися чертами.

Вот оно.

Внутри стало холодно, желудок словно прилип к позвоночнику. У него были инструкции на этот счёт, нужно было немедленно уводить подопечного из толпы. Но ноги словно приросли к полу, а потемневшие глаза принца смотрели, казалось, в самую душу.

– Вы знали, – ледяным тоном проговорил Ивор. – Вот, значит, что вы от меня скрывали... Вот, значит...

– Ваше высочество, – быстро произнёс Гэлхан, но принц медленно покачал головой, и он тут же поправился: – Ваше величество! Не делайте поспешных выводов, прошу вас. Нам всем нужно сейчас вернуться в покои, охрана...

Желудок сжал спазмом, в горло плеснуло злой горечью. Гэлхан закашлялся, замахал руками, потому что телохранителям по установленному императором протоколу безопасности было положено хватать подопечного и тащить в укрытие, но этого Ивор не простил бы никогда. К несчастью, его поняли ровно наоборот – а принц оказался чуть быстрее бросившейся к нему охраны. В его руке что-то щёлкнуло, свистнуло, Гэлхан, сообразив, что сейчас будет, попытался поймать его за плечо, но в то же мгновение пространство вокруг заволочло плотным розоватым туманом.

– Предатель! – рявкнул туман голосом Ивора.

Гэлхан кинулся на голос, в кого-то врезался и едва не упал. Артефакт, который активировал принц, не просто лишил окружающих возможности его увидеть – слабое ментальное воз-

действие сбивало ориентацию в пространстве всем, включая личных телохранителей. Прямо сейчас Ивор должен был бежать к сферокарам, чрезвычайные протоколы говорили, что в случае гибели или предательства охраны ему придётся прорываться самостоятельно...

Но его никак нельзя было отпускать. Потому что за миг до появления тумана Гэлхан увидел, как проявляются на скулах Ивора серые пятна плесени, ещё не определившиеся с цветом, его ещё можно догнать, можно спасти!..

Он снял ментальный блок. В первый миг эмоциональный шум оглушил – новости и сработавший артефакт переполошили людей, коктейль из тревоги, страха, удивления ударил в голову, и его с новой силой замутило. Но нужное направление удалось поймать почти сразу, и Гэлхан бросился в погоню, уворачиваясь от особенно плотных сгустков эмоций.

Ивор выскочил в один из боковых выходов. Гэлхан помнил, что здесь находилась большая проходная комната, в которой можно было выбрать коктейль или выпить чаю, и коснулся стены, чтоб не сбиться с пути. Туман, расползаясь из зала, поредел, стало видно стулья, столы, испуганных девушек и распахнутую дверь, но если бы не эмпатия, позволяющая отличать людей от мебели, он бы здесь и остался: голова кружилась, зрение мигало, и единственное, что вело его вперёд – эмоциональный след Ивора, разлитый в пространстве: как запах мёда с перцем и дымом, как невидимое золотистое сияние, как едва слышное гудение с перебором клавиш...

В коридоре стало чуть легче. Вдалеке, у самой двери на лестницу, мелькнуло белое, Гэлхан стиснул зубы и перешёл на бег.

– Ваше высочество... Величество, чтоб вас! Ивор! Да подождите же!

Дверь грохнула о стену. Гэлхан коротко глянул через плечо – туман расползлся по холлу, значит, в ближайшее время ловить принца никто не пойдёт. Нет, они, конечно, постараются, но...

Придётся самому.

Воздуха не хватало, во рту снова стало горько. Гэлхан прикинул свои шансы догнать молодого здорового парня и мысленно обратился к Всевышнему, умоляя о втором дыхании. Он непременно начнёт заниматься спортом, будет бегать по утрам, что там ещё нужно, но прямо сейчас, пожалуйста...

Он выскочил на тёмную площадку перед лестницей, вслушался в грохот шагов внизу и почти уже бросился следом, но за спиной плеснуло страхом и отчаянием так, что он едва не упал, развернувшись на месте.

– Кто здесь?!

Дождаться ответа он не стал: взмахнул рукой, вытряхнул из-под рукава чётки, сорвал подвеску, нажатием активировал одноразовый парализатор, целясь мимо знакомой ауры Вирей. Вспыхнуло, свистнуло, из-за драпировки вывалился человек. Второй выскочил сам – лицо было закрыто газовым шарфом, и в полумраке Гэлхан его не узнал. Драться он не умел, отскочить не вышло, но неизвестный всего лишь с силой пихнул его в грудь и бросился к лестнице.

Гэлхан впечатался плечом в стену, коротко взвыл, но тут же выровнялся. Ивор с каждой секундой уходил дальше, но Вирея была рядом, и её страх ударил по нервам, заставив задержаться.

– Вы целы?

Она быстро кивнула и обняла себя руками за плечи. Задавать другие вопросы было некогда, от ощущения собственной беспомощности ломило виски.

– Вернитесь к залу, это будет безопасно. Расскажите всё охране, я...

Метель ударилась о стекло, окно распахнулось во всю ширь, ледяной ветер обжёг лицо. Гэлхан рванул вниз по лестнице, чудом не упал, успел уцепиться за перила на повороте. За

спиной застучали каблуки, захотелось обернуться и рявкнуть, но Змей бы с ней, нужно догнать Ивора, пока он не успел добраться до машины, нужно поговорить с ним, объяснить, что...

На первом этаже обе двери были распахнуты, но дар уверял, что Ивор не пошёл ни к главному входу, ни в левое крыло. Шеи коснулся сквозняк, Гэлхан огляделся, развернулся, увидел за лестницей ещё одну дверь – запасной выход, тоже открыт, но как же...

Вирея испуганно вскрикнула, вцепилась обеими руками в перила, не решаясь сойти со ступеньки. Гэлхан нетерпеливо проследил её взгляд. Ивор только что был здесь, он совсем рядом, он...

Лежал на полу лицом вниз под окном и не шевелился. В тени натёкшая из-под головы лужа казалась чёрной.

Когда щёлкнул выключатель и загорелись лампы, лужа оказалась тёмно-красной.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.